

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Дело «Евгений Алексеенко против России»

Жалоба № 41833/04

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

27 января 2011 года

Данное постановление вступает в силу при условиях, определенных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Оно может подлежать редакторской правке.

По делу «**Евгений Алексеенко против России**»,
Европейский суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Христос Розакис, *Председатель*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Ханлар Гаджиев,

Дин Шпильманн,

Джорджио Малинверни,

Георг Николау, *судьи*,

и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя заседание 6 января 2011 г. за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утверждённое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 41833/04) против Российской Федерации, поданной в Европейский суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином России Алексеенко Евгением Юрьевичем (далее - «заявитель») 2 декабря 2003 года.

2. В качестве представителей заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, выступали Е. Ефремова и К. Москаленко - адвокаты, практикующие в Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально были представлены В. Милинчук, бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, а впоследствии Г. Матюшкиным.

3. Заявитель указывал, в частности, на ужасные условия, в которых он находился во время пребывания в следственном изоляторе города Ижевска в период с 30 января 2002 года до 16 июля 2004 года. Заявитель утверждал, что в следственном изоляторе он заразился туберкулезом, и ему не была предоставлена надлежащая медицинская помощь; что он подвергнулся жестокому обращению со стороны сотрудников конвойной службы милиции, а также что не было проведено эффективного расследования произошедшего. Кроме того, заявитель утверждал, что рассмотрение возбужденного против него уголовного дела было чрезмерно длительным, что у него отсутствовали средства правовой защиты в отношении права на судебное разбирательство в разумный срок, и что власти препятствовали его праву на подачу индивидуальной жалобы.

4. 5 июля 2007 года Председатель Первой Секции решил уведомить Власть о жалобе. Также было принято решение об одновременном рассмотрении вопроса о приемлемости жалобы и рассмотрении самой жалобы по существу (пункт 1 статьи 29).

5. 28 апреля 2008 года судья, назначенный в качестве докладчика, предложил Властям, согласно пункту 2 правила 49 Регламента Суда, представить факты касательно их предположительного вмешательства в право заявителя на подачу индивидуальной жалобы.

6. Власть возражали против одновременного рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы и рассмотрения жалобы по существу. Рассмотрев возражения Властей Российской Федерации, Суд отклонил их.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель, 1972 года рождения, до задержания проживал в городе Куйбышев Новосибирской области. В настоящий момент он отбывает срок лишения свободы в исправительной колонии в Новосибирской области.

A. Уголовное судопроизводство в отношении заявителя

8. 12 октября 2001 года Куйбышевский городской суд признал заявителя виновным в том, что он угрожал смертью другому человеку, и приговорил его к одному году лишения свободы условно.

9. В декабре 2001 года заявитель был задержан по подозрению в причинении смерти по неосторожности. 24 апреля 2002 Верховный Суд Удмуртской Республики признал его виновным в умышленном причинении вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего, а также в хулиганстве с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и приговорил заявителя к тринадцати годам лишения свободы.

B. Новое рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя

10. 16 января 2002 года против заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в грабеже. В неустановленный день данные обвинения в отношении заявителя были изменены: он обвинялся в нескольких эпизодах грабежей при отягчающих обстоятельствах, незаконном владении и производстве оружия, угоне автомобиля и краже документов, удостоверяющих личность.

11. 17 июня 2002 года заявителю предъявили обвинительное заключение. Через месяц было завершено предварительное расследование, и заявитель был обязан предстать перед Верховным Судом Удмуртской Республики.

12. 5 августа 2002 года Верховный Суд назначил предварительное слушание на 13 августа 2002 года. Во время слушания Верховный Суд вернул дело в прокуратуру на пять дней, так как было обнаружено, что заявителю была предъявлена неразборчивая копия обвинительного заключения. Следующее предварительное слушание было назначено на 30 сентября 2002 года. Данное слушание было перенесено на 3 декабря 2002 года, так как заявитель участвовал в слушании в другом суде.

13. 3 декабря 2002 года Верховный Суд вернул дело в прокуратуру для составления нового обвинительного заключения. При этом было указано, что обвинительные акты, предъявленные подсудимому, не содержали списка доказательств, на которых основывались доводы обвинения. Следующее предварительное слушание, запланированное на 4 января 2003 года, было перенесено ввиду неявки двух адвокатов подсудимого.

14. В период с 13 по 20 января 2003 г. Верховный Суд провел четыре предварительных слушания. Во время слушания 20 января 2003 года заявитель безуспешно добивался отвода всему составу суда, заявляя, что на судей могли оказать влияние различные публикации, касающиеся его дела.

15. 20 января 2003 года Верховный Суд назначил первое судебное разбирательство на 18 февраля 2003 года. Дело заявителя и других подсудимых было рассмотрено судом присяжных.

16. 19 февраля 2003 г. Верховный Суд вернул дело в прокуратуру для исправления недостатков в обвинительном заключении. В начале марта 2003 года прокуратура передала материалы дела в Верховный Суд, и первое предварительное слушание было назначено на 19 марта 2003 года. Во время слушания прокуратура выдвинула против подсудимых свои обвинения, и Верховный Суд передал дело по подсудности в Индустриальный районный суд г. Ижевска. Районный суд назначил предварительное слушание на 29 апреля 2003 года.

17. Во время слушания 29 апреля 2003 года районный суд вернул материалы дела в прокуратуру, поскольку обвиняемому Х. была вручена неразборчивая копия обвинительного заключения. 19 мая 2003 года Х. получил обвинительное заключение, и 4 июня 2003 года районный суд назначил предварительное слушание на 11 июня 2003 года. Однако слушание, назначенное на 11 июня 2003 года, а также слушание, назначенное на 19 июня 2003 года, было перенесено ввиду неявки адвоката.

18. 3 июля 2003 г. районный суд провел первое судебное заседание. На следующем заседании 7 июля 2003 года заявитель потребовал от районного суда отстранить своего адвоката Ч. от участия в судебном разбирательстве из-за несовпадения их позиций относительно стратегии защиты. Три слушания из шести, назначенных в период времени с 14 июля по 15 сентября 2003 года, были перенесены ввиду болезни обвиняемых, два были перенесены из-за того, что адвокат Ч. отказался представлять заявителя и не явился на слушание, а еще два были отменены ввиду отсутствия свидетелей. 9 сентября 2003 года районный суд назначил Б. адвокатом заявителя. Как указано в замечаниях Властей, некоторое время спустя заявитель отказался от услуг Б., и 16 декабря 2003 года представителем по делу заявителя была назначена Ж. С 5 марта по 21 апреля 2004 года подсудимые и их юристы изучали материалы дела.

19. Во время слушания 12 апреля 2004 года заявитель безуспешно пытался отстранить своего адвоката Ж. от судебного разбирательства. Ж. не присутствовала на двух последующих слушаниях, 21 и 27 апреля 2004 года, не сообщив районному суду о причинах своего отсутствия. 12 мая 2004 года районный суд назначил Г. в качестве адвоката заявителя и приостановил разбирательство до 24 мая 2004 года для того, чтобы новый юрист заявителя мог ознакомиться с материалами дела.

20. 9 июня 2004 года, получив ходатайство заявителя об отстранении от дела адвоката Г., районный суд приостановил разбирательство до 29 июня 2004 года. 2 июля 2004 года Г. потребовала районный суд освободить ее от обязанностей представителя заявителя, что было исполнено. Две недели спустя в качестве представителя заявителя был назначен С. Районный суд приостановил разбирательство на две недели для того, чтобы С. мог ознакомиться с материалами дела и разработать с заявителем стратегию защиты.

21. Согласно показаниям сторон, с 17 августа 2004 года по 25 января 2005 года районный суд периодически назначал и проводил заседания.

22. 25 января 2005 года Индустриальный городской суд г. Ижевска признал заявителя виновным по нескольким эпизодам грабежа при отягчающих обстоятельствах, а также в угоне автомобиля. Заявитель был приговорен к семнадцати годам и шести месяцам лишения свободы. По остальным обвинениям Районный суд вынес оправдательный приговор.

23. 27 сентября 2005 года Верховный Суд Республики Удмуртия внес поправки в приговор, сократив срок пребывания заявителя под стражей до семнадцати лет.

С. Условия содержания заявителя под стражей

24. Заявитель жаловался на условия своего содержания под стражей в следственном изоляторе № ИЗ-18/1 г. Ижевска с 30 января 2002 года по 16 июля 2004 года.

25. Полагаясь на заявления трех заключенных, также содержавшихся в изоляторе № 1 г. Ижевска, заявитель утверждал, что его держали в чрезвычайно переполненных камерах. Указав среднее количество заключенных в каждой из камер, в которых он содержался, и количество спальных мест в них, заявитель утверждал, что в основном он располагал менее чем двумя квадратными метрами личного пространства. Ввиду

недостатка кроватей заключенным приходилось спать по очереди. Постельное белье им не выдавалось.

26. Кроме того, заявитель утверждал, что санитарные условия были ужасающими. Камеры кишели насекомыми, но администрация не предоставляла инсектицидов. Стены камер были покрыты толстым слоем плесени. Заявитель утверждал, что окна камер были закрыты металлическими ставнями, которые препятствовали доступу естественного освещения и воздуха. Система искусственной вентиляции не работала. Принять душ было невозможно, поскольку заключенным предоставлялось на это только пятнадцать минут, и душевую кабинку приходилось одновременно использовать нескольким заключенным. Ситуация была осложнена еще тем, что заявитель часто «пропускал» банный день в случае, если ему приходилось принимать участие в заседании суда. Например, ему было отказано в возможности принимать душ в течение двух месяцев: в декабре 2003 и в январе 2004 года. Заключенным приходилось стирать и сушить постиранные вещи внутри помещения, что создавало в камерах чрезмерную влажность. Курить в камерах им также разрешалось. В большинстве камер унитаз не был отделен от жилого помещения перегородкой. Тем не менее, даже если небольшая перегородка и была установлена, это не позволяло уединиться. Фактически, заключенным никогда не предоставлялось полной уединенности. Что бы они ни делали - пользовались туалетом, спали - это было на виду охраны или других заключенных. Туалетных принадлежностей не выдавалось. Пища была плохого качества и в недостаточном количестве. Заключенные могли гулять на улице в течение часа каждый день.

27. Согласно справкам, выданным 27 августа 2007 года заместителем начальника изолятора и представленным Властями, заявитель содержался в восемнадцати различных камерах размером от 6 до 37,3 квадратных метров. Власти утверждали, что, учитывая размер камер и количество заключенных, содержащихся вместе с заявителем, ему никогда не предоставлялось менее четырех метров личного пространства. Кроме того, было отмечено, что он имел индивидуальную койку и постельные принадлежности.

28. Полагаясь на информацию, предоставленную заместителем начальника изолятора, Власти, кроме того, утверждали, что санитарные условия в камерах были удовлетворительными. В частности, они утверждали, что в камерах присутствовало естественное освещение и вентиляция благодаря одному или двум окнам, каждое из которых было не менее одного квадратного метра. Каждая камера была оборудована унитазом, отделенным от жилой зоны метровой перегородкой, раковиной, краном с проточной водой, койками и столом. Заключенным разрешалось принимать душ раз в неделю в течение не менее пятнадцати минут. Чистые постельные принадлежности предоставлялись раз в неделю. В камерах проводилась дезинфекция. Полагаясь на информацию, предоставленную заместителем начальника изолятора, Власти, кроме того, утверждали, что заявителю было предоставлено питание «в соответствии с установленными нормами».

D. Заражение туберкулезом и качество медицинского обслуживания в следственном изоляторе

29. 30 января 2002 года, при поступлении в следственный изолятор № ИЗ-18/1 заявитель был обследован врачом и прошел флюорографию; при этом признаков туберкулеза обнаружено не было. Согласно заявлению Властей, с февраля 2002 года по июнь 2004 года заявитель трижды проходил флюорографическое обследование. Последнее флюорографическое обследование, проведенное 20 февраля 2004 года, не обнаружило у заявителя патологии легких. 20 июня 2004 года в ходе медицинского обследования, которое также включало рентген, у заявителя в легких были обнаружены туберкулезные изменения. Этот результат был подтвержден еще одним радиографическим обследованием, проведенным 25 июня 2004 года.

30. 16 июля 2004 года заявитель был переведен в туберкулезную больницу следственного изолятора № 4 в Удмуртской Республике. После проведения в больнице нескольких медицинских анализов у него был диагностирован инфильтративный туберкулез (ТБ) левого легкого в стадии дезинтеграции. Ряд проведенных в больнице анализов мокроты показал отрицательный результат.

23 июля 2004 года заявитель был выписан за неоднократные нарушения внутреннего больничного режима. Тем не менее, ему было предписано продолжать лечение, начатое в больнице, в режиме интенсивной химиотерапии, что включало прием ряда лекарств: изониазид, пиразинамид, рифампицин, этамбутол, антигистаминные средства и т.д. (так называемый режим 2HRZE). Заявитель был переведен в медицинскую часть следственного изолятора № 18/1.

31. Как указано в копии истории болезни заявителя, представленной Властями, во время начальной стадии лечения заявитель придерживался строгого медикаментозного режима, получая прописанные дозы противотуберкулезных препаратов. За приемом каждой дозы следил медицинский персонал учреждения. Лечащие фтизиатры регулярно, иногда ежедневно, обследовали больного, чтобы своевременно отреагировать на сопутствующие жалобы относительно состояния его здоровья и определить необходимость коррекции медикаментозного режима. Регулярно проводились клинические анализы крови и мочи, мониторинг мокроты, а также регулярная рентгенография органов грудной клетки и обследование печени. Через несколько первых месяцев лечения врачами уже была отмечена позитивная динамика клинических симптомов ТБ.

32. По завершении интенсивной фазы лечения была начата поддерживающая терапия, сопровождаемая специальным рационом питания. Эта фаза лечения была завершена в марте 2005 года.

33. История болезни заявителя содержит ряд записей, сделанных лечащими фтизиатрами, свидетельствующих о негативном отношении заявителя к лечению, его отказе принимать противотуберкулезные препараты и также о его решении начать голодовку. Лечащие фтизиатры проводили беседы с заявителем, убеждая его продолжать лечение и предупреждая о негативных последствиях в случае прекращения лечения и голодовки.

34. Последующие медицинские обследования заявителя, проведенные в апреле и мае 2005 года, установили, что инфильтративный туберкулез перешел в стадию постепенного прекращения воспалительных процессов. Были даны рекомендации продолжать лечение по сокращенному режиму химиотерапии, что и было проведено.

35. 14 октября 2005 года заявитель был осмотрен медицинской комиссией в составе нескольких специалистов. Изучив историю болезни, в том числе результаты последних рентгеновских снимков, анализы крови, мочи и мокроты, комиссия поставила следующий диагноз: «клиническое выздоровление от инфильтративного туберкулеза». История болезни заявителя показывает, что он и дальше оставался под тщательным медицинским наблюдением, проходил обязательные медицинские анализы, ему были прописаны сезонные повторные курсы химиотерапии для предотвращения рецидива.

Е. События 10 июля 2003 года и расследование предполагаемого жестокого обращения со стороны сотрудников конвойной службы милиции

36. По утверждению заявителя, в ходе судебного заседания 9 июля 2003 года он сообщил Индустриальному районному суду о своем намерении отказаться от права присутствовать на слушаниях и участвовать в судебном процессе, поскольку суд первой инстанции не был беспристрастным и нарушал его права как подсудимого. На следующий день, тем не менее, сотрудники органов внутренних дел в лице конвойной службы милиции попытались доставить заявителя в здание суда. Он согласился пройти в тюремный фургон, но сообщил конвоирам о своем отказе принимать участие в заседаниях. Когда тюремный фургон прибыл к зданию суда, заявитель отказался выходить из него. Сотрудники милиции насильно вытащили его из фургона, при этом нанося ему удары ногами и руками. Когда районный суд ушел на обед, заявителя доставили обратно в изолятор № ИЗ-18/1. После обеда заявитель был доставлен на слушание. Он снова отказался покинуть тюремный фургон. Один из конвоиров снова попытался вытащить заявителя из фургона с применением силы и, в ответ на сопротивление заявителя, ударил его наручниками по голове. У заявителя стал кровоточить лоб. Его привели в конвойное помещение в суде, где он оставался приблизительно до 5 часов вечера. По прибытию в следственный изолятор вечером 10 июля 2003 года заявитель был осмотрен врачом, которым была сделана запись о рваной ране на лбу. Никаких других травм во время осмотра обнаружено не было.

37. Власти представили следующую версию событий. 10 июля 2003 года заявитель и еще один заключенный, Х., отказались покинуть тюремный фургон для участия в судебном слушании. Действуя согласно распоряжению председательствующего судьи, сотрудники милиции К., П., И. и Ка. применили физическую силу и использовали наручники для обеспечения присутствия обвиняемых в зале суда. Заявитель, оказывая сопротивление, бил конвоира руками и ногами. Поскользнувшись, он упал в тюремном фургоне и ударился головой. Вечером того же дня заявителя осмотрел врач изолятора № ИЗ-18/1. У него на лбу была обнаружена рваная рана размером четыре миллиметра в длину и два миллиметра в глубину, покрытая коркой свернувшейся крови.

38. 11 июля 2003 года заявитель направил жалобу прокурору Удмуртской Республики, в которой утверждал, что 10 июля 2003 года сотрудники милиции нанесли ему удар по голове в ответ на его отказ покинуть тюремный фургон. Он просил прокурора возбудить уголовное дело и привлечь сотрудников милиции к уголовной ответственности за нанесение побоев. Предоставив Европейскому Суду копию этой жалобы, Власти утверждали, что заявитель никогда не требовал возбудить уголовное дело в отношении конвоиров. Власти также предоставили копию жалобы другого подсудимого, поданную в прокуратуру. Он утверждал, что конвоиры угрожали ему

применением силы и что он воспринял эти угрозы как реальные, так как они уже избили заявителя 10 июля 2003 года, причинив ему травму головы.

39. 11 июля 2003 года заявитель был осмотрен экспертами Бюро судебно-медицинской экспертизы Удмуртской Республики, которые подтвердили данные исследования врача следственного изолятора. Эксперты сделали заключение, что травма головы - была незначительной. Более того, заявителю была предоставлена необходимая медицинская помощь, и он не нуждался в помещении в больницу.

40. Начальник конвойной службы милиции составил письменный отчет с описанием событий 10 июля 2003 года. Без предоставления каких-либо подробностей он сообщил, что заявитель отказался покинуть тюремный фургон и получил травму лба внутри фургона.

41. Следователь Индустриальной районной прокуратуры опросил заявителя о событиях, произошедших 10 июля 2003 года. Согласно копии протокола допроса, поданного Властями, заявитель подтверждал, что утром 10 июля 2003 года сотрудники милиции схватили его за руки, чтобы вытащить из тюремного фургона с применением силы. В середине того же дня, когда конвоиры снова приказали ему покинуть фургон, заявитель попытался укусить одного из них. Последний отреагировал, ударив заявителя по голове наручниками, и рассек ему лоб. Следователь также опросил заключенного Х., который тоже находился в тюремном фургоне во время предполагаемых побоев, адвоката заявителя и соподсудимого С. Х. подтвердил версию событий, изложенную заявителем, отметив, что конвоир надел наручники на кулак в виде кастета и ударил заявителя в лоб. С. подтвердил, что 10 июля 2003 года он видел заявителя в зале суда. Его лоб кровоточил. Адвокат подтвердил, что видел повреждение на лбу заявителя.

42. Следователь также опросил конвоиров, которые являлись свидетелями событий 10 июля 2003 года. Они подтвердили, что по прибытию к зданию суда заявитель и Х. стали действовать агрессивно, отказываясь покинуть фургон. Заявитель ударил одного из сотрудников милиции головой, попытался нанести удары рукой и ногой другим конвоиров. Сотрудникам милиции пришлось поднять заявителя и Х. и принести их к зданию суда. В зале суда заявитель и Х. выкрикивали ругательства, бросали личные вещи в конвоиров и угрожали им применением силы. Подобные события повторились снова в середине дня, когда заявитель ушиб лоб и отказался покинуть тюремный фургон.

43. 8 августа 2003 года следователь вынес постановление, заключив, что действия сотрудников милиции представляли собой законную и оправданную реакцию на нарушение общественного порядка со стороны заявителя. Заявителю предоставили копию постановления и дали возможность, согласно его требованию, изучить материалы проверки, проведенной прокуратурой.

44. 9 декабря 2003 года Индустриальный районный суд по требованию заявителя отменил постановление от 8 августа 2003 года, заключив, что оно было вынесено преждевременно, поскольку следователь не опросил всех свидетелей, присутствовавших во время получения травмы заявителем. Районный суд распорядился о проведении дополнительного расследования.

45. Еще раз допросив конвоиров, заявителя и заключенного Х., 15 июня 2004 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции ввиду отсутствия состава преступления. Участники событий 10 июля 2003 года не изменили своих предыдущих показаний, кроме заявителя, который добавил, что, помимо травмы лба, конвоир также рассек ему губу. Следователь заключил, что применение силы против заявителя было вынужденной мерой и являлось результатом его противоправного поведения.

46. 29 ноября 2004 года Устиновский районный суд г. Ижевска отменил постановление от 15 июня 2004 года и отправил дело на дополнительную проверку. Соответствующая часть решения гласила следующее:

«Заслушав участников процесса и изучив материалы дела, суд считает, что претензии [заявителя] обоснованы и должны быть рассмотрены на следующих основаниях.

Решение следователя Н. основано на выводе, что применение физической силы против [заявителя] было вызвано его противоправным поведением и совершено в соответствии с приказами и инструкциями Министерства внутренних дел Удмуртской Республики, в результате чего [следователь] отказал в возбуждении уголовного дела в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации-отсутствие в деянии состава преступления.

В то же время, как показывает постановление следователя Н., [заявитель] фактически получил травму, однако лицо, причинившее ее, не было установлено. Следователь только ссылается в своем постановлении на заявления сотрудников милиции, участвовавших в сопровождении [заявителя] и использовавших формулировку «один из конвоиров» для описания лица, нанесшего травму [заявителю], не упоминая конкретного лица».

47. 7 февраля 2005 года следователь отказал в удовлетворении жалобы заявителя против сотрудников милиции, заключив, что заявитель был травмирован в результате своего противоправного поведения в тюремном фургоне. Данное постановление было отменено 18 апреля 2005 года Устиновским районным судом, который заключил, что проверка была «неполной», поскольку следователь не опросил всех конвоиров, доставлявших заявителя к зданию суда после обеда, и не установил, мог ли заявитель пораниться самостоятельно, как заявляли сотрудники милиции.

48. 4 июля 2005 года следователь вынес постановление, не обнаружив преступного поведения в действиях конвоиров. Оно было основано на заявлениях всего личного персонала конвойной службы милиции.

В частности, конвоир Б. свидетельствовал, что 10 июля 2003 года заявитель и заключенный Х. оказали сопротивление в ответ на законные требования сотрудников милиции, отказавшись покинуть тюремный фургон. При этом заявитель несколько раз ударил конвоира П. Последний применил силу, поднял заявителя и принес его в зал суда. Заявитель употреблял бранные слова, угрожал ему и плевался. В то же день сотрудники милиции, сопровождавшие заявителя к зданию суда, после обеда сказали Б., что заявитель ушиб лоб в тюремном фургоне. Когда заявителя и заключенного Х. привезли обратно в следственный изолятор после судебного заседания, конвоиры

применили силу и наручники для предотвращения противоправного поведения. Заявитель не имел никаких видимых повреждений.

Конвоир К. подтвердил заявления, данные конвоиром Б.

Конвоир И. утверждал, что он сопровождал заявителя из следственного изолятора к тюремному фургону. Заявитель не имел никаких видимых повреждений. После того, как заявитель отказался покинуть тюремный фургон, сотрудники милиции доложили об этом судье. Судья приказал привести заявителя в здание суда против его воли. Заявитель отказался покинуть фургон, и конвоирам пришлось применить силу. Конвоир И. свидетельствовал, что у заявителя на лице была кровь.

Конвоир П. объяснил это тем, что утром 10 июля 2003 года заявитель ударил его несколько раз в тюремном фургоне. Сотрудники милиции, сопровождавшие заявителя к зданию суда, после обеда сказали Р., что заявитель ушиб лоб о дверь тюремного фургона.

Следователь отметил, что травма заявителем «была получена в результате его противоправного поведения в Индустриальном районном суде г. Ижевска и в тюремном фургоне... Более того, в результате противоправного поведения заявителя сотрудник милиции П., пытавшийся усмирить его, получил повреждения»

49. 18 октября 2005 г. Устиновский районный суд оставил в силе постановление от 4 июля 2005 года, заключив, что следствие, проведенное прокуратурой, было основательным, объективным и тщательным. Районный суд отметил, что следователь заслушал свидетелей, поручил провести медицинскую экспертизу заключенного и сотрудника милиции, травмированного заявителем, и оценил действия конвоира и действия заявителя на основании заслушанных им показаний и требований внутренних юридических норм.

50. Весной 2006 года заявитель, которому была надлежащим образом представлена копия постановления районного суда от 20 октября 2005 года, подал кассационную жалобу. Однако ему было отказано в рассмотрении кассационной жалобы, поскольку заявитель пропустил десятидневный срок, установленный российским законодательством.

Ф. Нападение в декабре 2001 года и уголовное судопроизводство

51. Согласно показаниям заявителя, 7 декабря 2001 года он был найден на улице милицейским патрулем. Он был сильно избит неизвестными лицами. Милиция доставила его в ближайшее отделение, а позднее - в больницу. Было начато уголовное судопроизводство, которое было прекращено 31 августа 2002 года, поскольку следствие не смогло установить виновных в совершении преступления.

Г. Публикации

52. Заявитель жаловался на публикацию в местной прессе многочисленных статей относительно последнего этапа уголовного процесса, возбужденного против него и

других обвиняемых. Они упоминались как «банда Алексеенко». Попытки заявителя начать уголовный процесс против газет и репортеров были безуспешны.

Н. Предполагаемое вмешательство в право заявителя на подачу индивидуальной жалобы

53. 7 апреля 2008 года представитель заявителя направил письмо в Европейский Суд, утверждая, что после сообщения о деле Властям заявителя несколько раз посещала И. Рассадина, помощник начальника УФСИН по соблюдению прав человека, которая призывала его «урегулировать дело до Суда и отозвать свою жалобу». В свою очередь, Рассадина якобы обещала, что заявителю будет позволено отбывать приговор в Удмуртской Республике вместо перевода обратно в исправительную колонию в Новосибирской области.

54. К письму представителя от 7 апреля 2008 года было приложено письмо заявителя. Заявитель утверждал, что власти предлагали ему продать квартиру в Новосибирске. Продажа могла узаконить его пребывание в Удмуртской Республике, поскольку он больше не будет являться жителем Новосибирска.

55. В ответ на требование Европейского Суда предоставить фактическую информацию Власти заявили, что 20 и 22 августа 2007 года заявитель встречался с помощником начальника УФСИН по соблюдению прав человека И. Рассадиной. Встреча была организована по требованию аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека для определения позиции заявителя относительно мирового соглашения по данному делу. Основываясь на письменных утверждениях Рассадиной и начальника следственного изолятора Галиева, Власти заявляли, что во время первой встречи, проведенной в присутствии Галиева, Рассадина расспрашивала заявителя о его условиях для урегулирования дела. Заявитель, якобы, выдвинул только одно требование: что он хочет продолжить отбывание наказания в Удмуртской Республике. 22 августа 2007 года, когда Рассадина прибыла в следственный изолятор с проектом мирового соглашения, заявитель отказался подписать его без предоставления каких-либо дальнейших объяснений.

56. В мае 2008 года заявитель был переведен в исправительную колонию в Новосибирской области.

57. 19 сентября 2008 года Европейский Суд получил еще одно письмо от представителя заявителя, в котором она утверждала, что в июле 2008 года власти задержали отправку двух писем заявителя в Европейский Суд примерно на четыре дня. Испытывая неуверенность относительно судьбы этих писем, заявитель отдал копии своей жене во время супружеского визита несколько дней спустя. В то же время заявителю разрешили провести короткий телефонный разговор со своим представителем в Европейском Суде.

58. Копии писем заявителя прилагались к письму его представителя от 19 сентября 2008 года. В указанных письмах заявитель утверждал, что условия его содержания в колонии в Новосибирской области были хуже, чем условия в следственном изоляторе в Удмуртской Республике, и что его перевели в новосибирскую колонию только ввиду целесообразности.

59. Письма, которые заявитель якобы отправлял напрямую в Европейский Суд в июле 2008 года, получены не были.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

А. Медицинское обслуживание заключенных

1. Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»

Статья 7. Организация противотуберкулезной помощи

«1. Оказание противотуберкулезной помощи больным туберкулезом гарантируется государством и осуществляется на основе принципов законности, соблюдения прав человека и гражданина, общедоступности в размере, определенном Программой государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи.

2. Противотуберкулезная помощь оказывается гражданам при их добровольном обращении или с их согласия, за исключением случаев, предусмотренных статьями 9 и 10 настоящего Федерального закона и другими федеральными законами...»

Статья 8. Оказание противотуберкулезной помощи

«1. Больные туберкулезом, нуждающиеся в оказании противотуберкулезной помощи, получают такую помощь в медицинских противотуберкулезных организациях, имеющих соответствующие лицензии.

2. Лица, находящиеся или находившиеся в контакте с больным туберкулезом, в соответствии с законодательством Российской Федерации проходят обследование в целях выявления туберкулеза...»

Статья 9. Диспансерное наблюдение

1. Диспансерное наблюдение за больными туберкулезом проводится в порядке, установленном Правительством Российской Федерации...

2. Диспансерное наблюдение за больными туберкулезом устанавливается независимо от согласия таких больных или их законных представителей.

3. Решение о необходимости диспансерного наблюдения или его прекращения принимается комиссией врачей, назначенной руководителем медицинской противотуберкулезной организации... и оформляется в медицинских документах записью... о чем в письменной форме извещается лицо, подлежащее диспансерному наблюдению».

Статья 10. Обязательные обследование и лечение больных туберкулезом

«2. Больные заразными формами туберкулеза...умышленно уклоняющиеся от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, на основании решений суда госпитализируются в специализированные медицинские противотуберкулезные организации для обязательных обследования и лечения».

Статья 12. Права лиц... больных туберкулезом

«2. Лица, госпитализированные для обследования и(или) лечения в медицинские противотуберкулезные организации, имеют право: получать у руководителей медицинских противотуберкулезных организаций информацию о лечении, об обследовании...

встречаться с адвокатами и священнослужителями наедине;

исполнять религиозные обряды, если такие обряды не оказывают вредного воздействия на состояние их здоровья;

продолжать образование...

3. Лица... больные туберкулезом... имеют другие права, предусмотренные законодательством Российской Федерации об охране здоровья граждан».

Статья 13. Обязанности лиц... больных туберкулезом

«Лица... больные туберкулезом обязаны:

проводить назначенные медицинскими работниками лечебно-оздоровительные мероприятия;

выполнять правила внутреннего распорядка медицинских противотуберкулезных организаций во время нахождения в таких организациях; выполнять санитарно-гигиенические правила, установленные для больных туберкулезом, в общественных местах».

Статья 14. Социальная поддержка лиц... больных туберкулезом

«4. Лица, находящиеся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, и больные туберкулезом обеспечиваются бесплатными медикаментами для лечения туберкулеза в амбулаторных условиях в федеральных специализированных медицинских учреждениях в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, а в учреждениях здравоохранения, находящихся в ведении субъектов Российской Федерации, - в порядке, установленном органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

2. Нормативно-правовое регулирование медицинской помощи, предоставляемой заключенным

60. Российское законодательство дает подробные рекомендации по оказанию медицинской помощи лицам, находящимся в заключении. Данные рекомендации,

содержащиеся в совместном Приказе № 640/190 Министерства здравоохранения и социального развития и Министерства юстиции «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» («Положение»), принятом 17 октября 2005 года, применяются в отношении всех заключенных без исключения. В частности, раздел III данного Положения устанавливает первоочередные меры, которые применяются медицинским персоналом следственного изолятора при поступлении задержанного. По прибытии в следственный изолятор все поступившие должны пройти первичный медицинский осмотр перед помещением их в камеры вместе с другими заключенными. Обследование проводится с целью выявления у заключенных инфекционных заболеваний, а также больных, нуждающихся в неотложной помощи. Особое внимание обращается на лиц, страдающих инфекционными заболеваниями. В срок не более трех дней с момента прибытия в СИЗО все поступившие проходят углубленный врачебный осмотр, включая флюорографию. Во время углубленного обследования врач фиксирует жалобы заключенного, изучает анамнез заболевания и жизни, фиксирует телесные повреждения при их наличии, вновь нанесенные татуировки, а также при необходимости назначает дополнительные медицинские процедуры. Для выявления инфекций, передающихся половым путем, ВИЧ-инфекции, туберкулеза и других заболеваний проводятся лабораторные исследования.

61. Последующие медицинские осмотры заключенных проводятся дважды в год или по просьбе самих заключенных. При ухудшении состояния здоровья медицинское обследование и помощь предоставляются медицинским персоналом следственного изолятора. В таких случаях обследование включает общий медицинский осмотр и дополнительные методы исследования, при необходимости - с привлечением врачей-специалистов. Результаты обследования фиксируются в амбулаторной карте заключенного. Заключенный должен быть полностью осведомлен о результатах медицинского обследования.

62. Раздел III Положения также устанавливает порядок действий при отказе заключенных от прохождения медицинского обследования или лечения. В случае отказа в амбулаторной карте заключенного делается соответствующая запись. Врач должен подробно рассказать заключенному о последствиях отказа от прохождения медицинских процедур.

63. Заключенные принимают предписанные лекарства в присутствии врача. В исключительных случаях начальник медицинского отделения следственного изолятора может разрешить медицинскому персоналу выдать дневную дозу лекарственных препаратов заключенному для принятия без наблюдения.

64. Раздел X Положения регулирует медицинские осмотры, мониторинг и лечение заключенных, больных туберкулезом. Он дает подробное описание проводимых медицинских процедур, устанавливает их периодичность и регулирует курсы лечения лиц, впервые заболевших туберкулезом, а также проходящих повторное лечение (в случае рецидива или неудачного лечения по вине заключенных). В частности, он предусматривает, что в случае проявления у заключенного признаков повторного заболевания туберкулезом, его немедленно следует поместить в специализированное помещение (инфекционный бокс медицинского отделения следственного изолятора) и в дальнейшем направить на лечение в

противотуберкулезное заведение. Профилактика и противорецидивное лечение пациентов, больных туберкулезом, осуществляется фтизиатрами. При этом проводятся строгие проверки приема заключенными противотуберкулезных препаратов. Каждая доза фиксируется в амбулаторной карте заключенного. Об отказе от приема противотуберкулезных препаратов также делаются отметки в амбулаторной карте. Проводится беседа об отрицательных последствиях отказа. Заключенные, страдающие туберкулезом, также должны соблюдать специальную диету.

3. Приказ о противотуберкулезных мероприятиях

65. 21 марта 2003 года Министерство здравоохранения приняло Приказ № 109 «О совершенствовании противотуберкулезных мероприятий в Российской Федерации» («Приказ о противотуберкулезных мероприятиях» или «Приказ»). Осознавая сложную эпидемическую ситуацию в Российской Федерации в связи с резким увеличением числа лиц, больных туберкулезом, в особенности среди детей и заключенных, а также значительный рост смертности по причине туберкулеза, данный Приказ излагает основные принципы и рекомендации для предотвращения, выявления и лечения туберкулеза по всей стране. Данные меры отвечают международным стандартам. При определении форм и видов туберкулеза а также категорий больных туберкулезом, Приказ устанавливает виды необходимых медицинских осмотров, анализов и исследований, которые должны проводиться в каждом случае, и предоставляет подробные инструкции относительно их проведения и оценки; также в нем излагаются правила вакцинации, определяются курсы и режимы терапии для определенных категорий больных и т.д.

66. В частности, Приложение 6 к данному Приказу содержит Инструкции по химиотерапии больных туберкулезом. Цели лечения, основные противотуберкулезные препараты и комбинации их доз, а также стандартные режимы химиотерапии изложены в Инструкции для больных туберкулезом в России, соответствующие инструкциям, рекомендованным Всемирной организацией здоровья по лечению туберкулеза: Руководящие принципы для национальных программ (см. ниже).

В. Условия содержания под стражей

67. Раздел 22 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Федеральный закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года) предусматривает, что подозреваемые и обвиняемые должны обеспечиваться бесплатным питанием, достаточным для поддержания здоровья и сил согласно нормам, определяемым Правительством Российской Федерации. Раздел 23 предусматривает создание для подозреваемых бытовых условий, отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям. Им предоставляется индивидуальное спальное место, постельные принадлежности, посуда, столовые приборы и туалетные принадлежности. Норма личного пространства в камере на одного человека устанавливается в размере четырех квадратных метров.

С. Расследование уголовных преступлений

68. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (вступивший в силу с 1 июля 2002 года, «УПК») предусматривает, что уголовное расследование может быть

возбуждено следователем или прокурором по жалобе физического лица или по собственной инициативе следственных органов при наличии оснований полагать, что было совершено преступление (статьи 146 и 147). Ответственность за общий надзор за расследованием несет прокурор (статья 37). Он уполномочен давать распоряжения о проведении отдельных следственных мероприятий, передавать дело от одного следователя к другому или распоряжаться о проведении дополнительного расследования. При отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела прокурор или следователь выносит обоснованное постановление об отказе в возбуждении дела, которое доносится до сведения заинтересованной стороны. Постановление может быть обжаловано перед вышестоящим прокурором или в суде общей юрисдикции в порядке, установленном статьей 125 УПК (статья 148). Статья 125 УПК устанавливает право на судебный пересмотр постановлений следователя и прокурора, которые могут нарушить конституционные права участников производства по делу или воспрепятствовать доступу к суду.

Д. Ответ властей на предполагаемые случаи жестокого обращения в местах содержания под стражей

69. Российское законодательство устанавливает подробные инструкции для содержания лиц в следственных изоляторах временного содержания. Данные инструкции изложены в Приказе Министерства юстиции № 189 «Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов» («Приказ»), вступившем в силу 14 октября 2005 года. В частности, раздел II Приказа предусматривает, что в случае выявления у заключенного телесных повреждений, необходимо произвести расследование. Материалы дела, составленные в рамках расследования обстоятельств предполагаемого преступления, направляются в прокуратуру для принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (пункт 16 раздела II).

Е. Новое средство правовой защиты в случае нарушения права на рассмотрение дела в разумный срок

70. 30 апреля 2010 г. Федеральное собрание Российской Федерации приняло Федеральный закон № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» («Закон о компенсации»). Закон о компенсации вступил в законную силу 4 мая 2010 года. Он предусматривает, что в случае нарушения права на рассмотрение дела в разумный срок лицо вправе требовать возмещения нематериального вреда. Федеральным законом № 69-ФЗ, вступившим в силу 30 апреля 2010 года, были введены соответствующие изменения в российское законодательство.

71. Часть 2 статьи 63 Закона о компенсации предусматривает, что все лица, подавшие жалобы в Европейский Суд по правам человека в связи с нарушением их права на проведение слушания в разумный срок, вправе обратиться в национальный суд с иском о присуждении им компенсации в течение шести месяцев с момента вступления Закона в силу, но при условии, что Европейский Суд еще не вынес постановление о приемлемости жалобы.

Б. Определение места содержания под стражей для отбывания наказания

72. Статья 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (№ 1-ФЗ, принят 8 января 1997 года) предусматривает, что лица, приговоренные к лишению свободы, кроме исключительных случаев, отбывают наказание в исправительных учреждениях на территории того субъекта Российской Федерации, в котором они проживали до вынесения приговора и в котором были осуждены. В исключительных случаях по состоянию здоровья осужденных или для обеспечения их личной безопасности либо с их согласия осужденные могут быть направлены для отбывания наказания в иное исправительное учреждение, расположенное на территории другого субъекта Российской Федерации. При отсутствии по месту жительства или по месту осуждения исправительного учреждения, осужденные направляются по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТЧЕТЫ И ДОКУМЕНТЫ

А. Общие вопросы здравоохранения

1. Рекомендация Res(2006)2 Комитета Министров к государствам-членам к Европейским. пенитенциарным правилам-, принятая 11 января 2006 года на 952-м заседании заместителей министров («Европейские пенитенциарные правила»)

73. Европейские пенитенциарные правила представляют собой систему руководящих принципов в сфере здравоохранения. Соответствующие извлечения из правил звучат следующим образом:

Охрана здоровья

39. Администрация пенитенциарных учреждений обеспечивает охрану здоровья всех заключённых этих учреждений.

Организация медицинского обслуживания в пенитенциарных заведениях

40.1. Медицинские службы в пенитенциарных учреждениях организуются в тесном сотрудничестве с общегражданскими органами здравоохранения общины или страны.

40.2. Политика пенитенциарных учреждений в области здравоохранения является неотъемлемой частью национальной политики здравоохранения и совместима с ней.

40.3. Заключённые должны иметь доступ к медицинским услугам, имеющимся в стране, без дискриминации на основании их правового положения.

40.4. Медицинские службы пенитенциарных учреждений выявляют и лечат физические и психические заболевания или дефекты, которыми могут страдать заключённые.

40.5. Для этого заключённому оказываются все необходимые медицинские, хирургические и психиатрические услуги, в том числе, имеющиеся в общественных учреждениях.

Медицинский и санитарный персонал

41.1. Каждое пенитенциарное заведение должно иметь не менее одного имеющего соответствующую квалификацию врача общей медицинской практики.

41.2. Принимаются меры по обеспечению в случаях срочной необходимости неотложной помощи имеющего соответствующую квалификацию врача.

...

41.4. Каждое пенитенциарное учреждение должно иметь персонал, имеющий надлежащую медицинскую подготовку.

Обязанности врача

42.1. Врач или квалифицированная медицинская сестра, подчинённая такому врачу, обследует каждого заключённого при первой возможности за исключением случаев, когда в этом явно нет необходимости.

...

42.3. При обследовании заключённого врач или квалифицированная медицинская сестра, подчинённая такому врачу, особое внимание должен(на) уделить:

...

в-диагностированию физического или психического заболевания, причём должны приниматься все необходимые меры для его лечения и для продолжения курса лечения;

...

г-изоляции заключённых, в отношении которых имеются подозрения на предмет инфекционных или заразных болезней, на срок сохранения инфекции и обеспечению их надлежащего лечения;

43.1. Врач заботится о физическом и психическом здоровье заключённых и осматривает, в условиях и с частотой, соответствующим стандартам здравоохранения в обществе, всех больных заключённых, всех, кто обратился с недомоганием или травмой, и любого заключённого, на которого специально обращено внимание.

...

Медицинский уход

46.1. Больные заключённые, требующие специализированного лечения, переводятся в специализированные учреждения или гражданские больницы, если такое лечение невозможно в пенитенциарном учреждении.

46.2. Там, где служба пенитенциарного учреждения имеет собственную больницу, она должна быть достаточно укомплектована персоналом и оборудованием для надлежащего ухода и лечения направляемых в эту больницу заключённых.

2. Третий общий доклад Европейского комитета по предотвращению пыток («Доклад ЕКПЛ»)

74. Необходимость и комплексность медицинских услуг в местах содержания под стражей обсуждалась Европейским комитетом по предупреждению пыток в третьем Общем докладе (СРТ/Inf (93)

12 -Дата публикации: 4 июня 1993 года). Далее представлены извлечения из указанного Доклада:

«33. При поступлении в место содержания под стражей все лица, лишённые свободы, должны быть незамедлительно осмотрены медицинским персоналом учреждения. В своих отчетах Комитет рекомендовал, чтобы каждое вновь прибывшее лицо, должным образом было опрошено и, если необходимо, физически обследовано врачом сразу же после его поступления. Следует добавить, что в некоторых странах медицинское освидетельствование при поступлении в учреждение проводится компетентной медсестрой, действующей по указаниям врача. Такой подход можно рассматривать как наиболее эффективное использование имеющихся ресурсов.

Также, желательно, чтобы лицам, лишённым свободы, по их прибытию вручался буклет или брошюра, информирующая о наличии и деятельности службы здравоохранения и напоминающая об основных мерах гигиены.

34. Находясь в заключении, лица, лишённые свободы, должны иметь возможность доступа к врачу в любое время, независимо от режима их содержания... Медицинское обслуживание должно быть организовано таким образом, чтобы просьбы о консультации врача выполнялись без ненужной задержки...

35. Медицинская служба в местах лишения свободы должна быть способна обеспечивать, по крайней мере, регулярные амбулаторные консультации и скорую медицинскую помощь (в дополнение они также могут иметь помещение больничного типа с кроватями)... Кроме того, врачам, работающим в местах лишения свободы, должна быть предоставлена возможность привлечения специалистов.

Всегда должна быть возможность вызова врача при необходимости скорой медицинской помощи. Кроме того, на территории места лишения свободы всегда должно присутствовать лицо, желательно, с официально подтвержденной квалификацией медицинской сестры, способное оказать первую помощь.

Амбулаторное лечение должно осуществляться под надзором со стороны медицинского персонала; во многих случаях для обеспечения последующего наблюдения не достаточно обращений, предпринимаемых лицом, лишённым свободы.

36. Должен быть доступ к хорошо оснащенной госпитальной службе либо в гражданской больнице...

38. Медицинское обслуживание в местах, содержания лиц, лишенных свободы, должно обеспечивать лечение и уход, а также соответствующую диету, физиотерапевтическое лечение, реабилитацию или любое другое необходимое специальное лечение, на условиях, сопоставимых с теми, которыми пользуются пациенты вне таких учреждений. Также, должна соответственно предусматриваться обеспеченность медицинским персоналом, персоналом по уходу и техническими специалистами, служебными помещениями, сооружениями и оборудованием.

Необходим соответствующий контроль за снабжением и распределением лекарств. Кроме того, используемые лекарственные средства должны быть проверенными и пользоваться доверием со стороны медицинского персонала.

39. На каждого пациента должна быть заведена медицинская карта, содержащая информацию о диагностике заболеваний, текущие записи об изменениях состояния пациента и сведения о любых специальных обследованиях, которым он подвергался. В случае перевода пациента в другое учреждение, карта должна быть передана врачам учреждения, в которое поступает лицо, лишенное свободы.

Кроме того, медицинский персонал каждой бригады должен вести ежедневные записи в журнале, в котором содержится информация по отдельным происшествиям, имеющим отношение к пациентам. Такие записи полезны тем, что они дают общее представление о ситуации в организации здравоохранения в данном тюремном учреждении и в то же время освещают проблемы, которые могут возникнуть.

40. Предпосылкой успешного функционирования медицинской службы предполагает возможность регулярных встреч для врачей и персонала по уходу и создание рабочих групп под руководством главного врача, возглавляющего службу. ...

54. Медицинские учреждения в местах лишения свободы должны регулярно распространять информацию о заразных болезнях (в особенности, о гепатите, СПИДе, туберкулезе, дерматологических инфекциях) как среди заключенных, так и среди персонала учреждения. В случае необходимости, следует осуществлять медицинский контроль тех, с кем лицо, лишенное свободы, имеет регулярный контакт (лица, которые содержатся в той же камере, персонал учреждения, частые посетители).»

3.Рекомендация Кабинета Министров № R (98) 7 по аспектам здравоохранения в местах отбытия наказания

75. Более тщательная разработка европейских ожиданий в отношении здравоохранения в пенитенциарных учреждениях содержится в приложении к Рекомендации № R (98) 7 Комитета Министров к государствам-членам по этическим и организационным аспектам здравоохранения в местах отбытия наказания (принята 8 апреля 1998 года на 627-м заседании заместителей министров). Прежде всего, утверждая Европейские пенитенциарные правила и стандарты ЕКПП, Рекомендация выходит за рамки повторения общепринятых принципов, чтобы уделить внимание конкретным вопросам разрешения некоторых общих проблемам, в том числе проблемы инфекционных заболеваний. В частности, относительно заболеваемости туберкулезом Комитет Министров подчеркнул, что должны применяться все необходимые

меры, предусмотренные законодательством в этой области для предотвращения распространения инфекции. Терапевтическое вмешательство должно соответствовать стандартам, принятым пределами тюрьмы. Для этого необходимо требовать предоставления медицинских услуг от местных специалистов по заболеваниям грудной клетки с целью получения периодических консультаций, предусмотренных для данных заболеваний согласно соответствующему законодательству, так же как это практикуется в обществе (статья 41).

В. Вопросы здравоохранения, касающиеся инфекционных заболеваний

1. Рекомендация Кабинета Министров № R (93) 6 по контролю инфекционных болезней в местах отбытия наказания

76. Тот факт, что инфекционные заболевания в местах отбытия наказания в европейских странах стали предметом серьезной озабоченности, способствовал принятию рекомендации Комитета Министров Государствам-членам относительно тюремных и криминологических аспектов контроля инфекционных заболеваний и связанных с ними проблем со здоровьем в местах отбытия наказания (принята 18 октября 1993 года 500м заседании заместителей министров). Соответствующие извлечения из Рекомендации звучат следующим образом:

«2. Обязательное медицинское обследование, проводимое при поступлении в пенитенциарное учреждение, должно включать меры по выявлению различных заболеваний, в том числе излечимых инфекционных болезней, особенно туберкулеза. Такое обследование, помимо всего прочего, дает возможность обеспечить санитарное просвещение и внушить заключенным большее чувство ответственности за свое здоровье...

15. В рамках пенитенциарной системы здравоохранения должны быть доступны достаточные финансовые средства и человеческие ресурсы. Это необходимо не только для решения проблемы инфекционных и венерических заболеваний, таких как ВИЧ/СПИД, но и всех остальных медицинских проблем, способных повлиять на состояние здоровья заключенных».

2. Одиннадцатый Общий доклад Европейского комитета по предотвращению пыток

77. Подробное освещение вопроса, связанного с инфекционными заболеваниями в местах содержания под стражей было изложено Европейским Комитетом по предупреждению пыток в своем 11-м Общем докладе (CPT/INF (2001) 16, опубликован 3 сентября 2001 года). Обсуждение было вызвано обнаружением серьезных недостатков в области здравоохранения и неприемлемыми материальными условиями содержания в местах лишения свободы, что усугубляет передачу болезней. Обращаясь к данному вопросу, ЕКПП сообщил следующее:

«31. Распространение инфекционных заболеваний, в том числе и туберкулеза, гепатита и ВИЧ/СПИДа стало основной проблемой общественного здравоохранения в ряде европейских стран. Помимо того, что это распространение опасно для всего населения в целом, эти болезни оказались огромной проблемой в некоторых местах содержания под стражей. В этой связи ЕКПП в ряде случаев был вынужден выразить

серьезную озабоченность по поводу неадекватности мер, принимаемых для решения этой проблемы. Кроме того, материальные условия, в которых содержатся заключенные, часто могут только способствовать распространению этих заболеваний.

ЕКПП осознает, что в периоды экономических трудностей, распространенных сегодня во многих странах, которые посетил ЕКПП, необходимо снижать расходы, в том числе на пенитенциарные учреждения. Однако, несмотря на трудности, акт лишения человека свободы всегда влечет за собой обязанность заботы, подразумевающей использование эффективных методов профилактики, диагностики и лечения различных заболеваний. Соблюдение этой обязанности органами государственной власти является еще более актуальным, когда речь идет о медицинской помощи, необходимой для лечения угрожающих жизни заболеваний.

Использование современных методов диагностики, регулярное снабжение лекарствами и сопутствующими материалами, наличие персонала, следящего за приемом заключенными предписанных препаратов в правильной дозе и в нужное время, а также при необходимости соблюдение специального рациона питания являются важнейшими элементами эффективной борьбы с вышеупомянутыми заболеваниями и обеспечения соответствующего ухода за заключенными. Материальные условия в помещениях для заключенных с инфекционными заболеваниями также должны благоприятствовать улучшению их здоровья; помимо естественного освещения и хорошей вентиляции, должна поддерживаться удовлетворительная гигиена, а также отсутствовать перенаселенность камер.

Кроме того, больные не должны отделяться от остальных заключенных, если в этом нет строгой необходимости по медицинским или иным основаниям...

Чтобы развеять ошибочные представления о данных вопросах, национальные власти должны убедиться в существовании полной образовательной программы об инфекционных заболеваниях, причем как для заключенных, так и для персонала пенитенциарных учреждений. Такая программа должна охватывать способы передачи заболеваний и превентивные методы защиты от них, в том числе применение соответствующих профилактических мер.

Следует также подчеркнуть, что соответствующая информация и консультации должны предоставляться до и - в случае положительного результата - после любого обследования. Кроме того, само собой разумеется, что информация о состоянии здоровья пациентов должна быть защищена врачебной тайной. Любые вмешательства в данную область должны быть основаны на осознанном согласии причастных лиц.

Кроме того, для обеспечения эффективной борьбы с вышеупомянутыми заболеваниями, все министерства и ведомства, работающие в данной области в той или иной стране, должны гарантировать максимальную координацию своих усилий. В этом отношении ЕКПП хотел бы подчеркнуть необходимость гарантии продолжения лечения после окончания срока отбытия наказания»

С. Доклады в области здравоохранения в отношении Российской Федерации

1. Доклад ЕКПП о России

78. Доклад ЕКПП о визите в Российскую Федерацию, проведенном с 2 по 17 декабря 2001 года, (СРТ/INF (2003) 30) предусматривает следующее:

«102. ЕКПП также серьезно обеспокоен практикой обратного перевода из СИЗО [следственного изолятора] в ИБС [изолятор временного содержания в отделениях милиции] заключенных с диагнозом БК+ туберкулез (и, следовательно, потенциально заразных), а также прерыванием лечения туберкулеза во время пребывания в ИБС. Прерывание лечения также может происходить во время перевода с одного пенитенциарного учреждения в другое.

В интересах борьбы с распространением туберкулеза в правоохранительной и пенитенциарной системе и в обществе в целом ЕКПП рекомендует принять срочные меры и положить конец вышеупомянутой практике».

2. Доклад Всемирного банка о проекте «Борьба с туберкулезом и СПИДом в Российской Федерации»

79. 23 декабря 2009 года Всемирный банк опубликовал Отчет об итогах реализации и достигнутых результатах (№ ICR00001281, том I) по ссудам, предоставленным Российской Федерации на финансирование проекта «Борьба с туберкулезом и СПИДом в Российской Федерации». Соответствующая часть Отчета гласит следующее:

«По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Россия была одной из 22 стран с высоким бременем туберкулеза в мире (ВОЗ, Глобальная борьба с туберкулезом: эпиднадзор, планирование, финансирование, Женева, 2002 г.). На протяжении 1990-х годов заболеваемость туберкулезом возрастала. Это было обусловлено сочетанием ряда факторов, в том числе: (i) ростом бедности, (ii) недостаточностью финансирования противотуберкулезной службы и здравоохранения в целом, (iii) неспособностью диагностических и терапевтических подходов, предназначенных для централизованного управления и контроля ТБ системы, справиться с возрастающей социальной мобильностью и относительной свободой постсоветского времени, и (iv) техническими недостатками, вызванными устареванием оборудования. Миграция населения из бывших советских республик с высоким бременем туберкулеза также усилила проблему. Показатели распространенности болезни в пенитенциарной системе во много раз превышали показатели распространенности среди населения в целом. Лечение включало длительную госпитализацию, варьирование врачами и пациентами терапевтического режима и частое обращение к оперативным методам. Сокращение бюджета в области здравоохранения привело к нерегулярным поставкам противотуберкулезных препаратов и лабораторных материалов, снижению качества контроля в противотуберкулезных диспансерах и лабораториях, а также неадекватному лечению. Социальные условия, благоприятствующие распространению туберкулеза, сочетались с недостаточными системами диагностики, лечения и наблюдения, а также усиливали устойчивость к лекарственным препаратам, что привело к серьезной проблеме в области общественного здравоохранения.

Борьба с туберкулезом на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и в большинстве регионов России на протяжении 1990-х годов была

в значительной степени централизованной. Существовали отдельные больницы (противотуберкулезные диспансеры), туберкулезные санатории и научно-исследовательские институты туберкулеза. Эта система была создана в 1920-е годы для решения проблемы эпидемии туберкулеза. Выявление случаев заболевания в значительной степени зависело от активного привлечения населения к прохождению рентгенологических обследований (флюорографии). Специфичность, чувствительность и соображения экономической эффективности не являлись особенностями данного подхода. Иммунизация бациллой Кальметта-Герена (БфК) была одним из ключевых элементов системы борьбы с туберкулезом.

К 2000 году заболеваемость туберкулезом возросла более чем в два раза, а смертности от него увеличилась в 3 раза по сравнению с 1990 годом. Снижение эффективности лечения в последние годы привело к увеличению числа больных хроническим туберкулезом, создавая постоянную «питательную среду» для инфекции. К тому времени доля случаев заболевания туберкулезом легких, подтвержденных бактериоскопией, не превышала 25%, а доля таких случаев заболевания, подтвержденных культуральным исследованием, составляла не более 41%. В связи с недостаточной эффективностью лабораторной диагностики, это привело к слабой выявляемости™ туберкулеза легких с бактерией нового деления. Являясь социальной болезнью, туберкулез затрагивает наиболее социально и экономически изолированные группы населения России».

Д. Основные принципы лечения туберкулеза

80. Ниже приводятся извлечения из книги «Лечение туберкулеза: рекомендации для национальных программ», Всемирная организация здравоохранения, 1997 г., сс. 27, 33 и 41:

«Схема лечения включает начальную (интенсивную) стадию, длящуюся 2 месяца, и стадию продолжения лечения, длящуюся, как правило, 4-6 месяцев. На начальной стадии лечения, когда больной обычно принимает 4 противотуберкулезных препарата, происходит быстрая гибель туберкулезных бактерий. В результате этого заразные больные примерно через 2 недели становятся незаразными. Их клиническое состояние улучшается. Большинство бацилловыделителей через 2 месяца после начала терапии прекращают выделять микобактерии туберкулеза. Но на стадии продолжения лечения требуется прием меньшего количества препаратов, но в течение более продолжительного периода времени. Благодаря стерилизующему действию лекарств погибают и остальные бактерии, что предупреждает развитие рецидива после прекращения терапии.

У больных туберкулезом легких с бактериообделением существует риск селекции лекарственно-резистентных микобактерий туберкулеза, так как у этих больных в очагах поражения находится большое количество возбудителей. Схемы химиотерапии коротким курсом, предусматривающие лечение в начальной фазе четырьмя, а во время продолжения лечения - двумя препаратами, снижают риск селекции резистентных штаммов бактерий. Эти схемы в равной мере эффективны у больных с туберкулезом, обусловленным как чувствительными, так и резистентными микроорганизмами.

У больных туберкулезом легких без бактериовыделения и внелегочными формами туберкулеза практически не существует риска селекции резистентных бактерий, так как у них распространение возбудителей на очаги поражения менее интенсивна. В таких случаях доказана эффективность химиотерапии коротким курсом, предусматривающей лечение в начальной фазе тремя, а в фазе продолжения - двумя препаратами...

Мониторинг больных легочным туберкулезом с бактерiovыделением осуществляют с помощью бактериоскопии мазков мокроты. Это единственная группа больных туберкулезом, у которых возможно проведение бактериологического мониторинга. Осуществление наблюдения за больными с помощью рентгенологического исследования органов грудной клетки является излишним и экономически невыгодным. У больных легочным туберкулезом без бактериовыделения и у больных с внелегочными формами туберкулеза эффективность лечения контролируют с помощью периодических клинических обследований. По условиям программы в странах с высокой превалентностью туберкулеза осуществление постоянного мониторинга с помощью бактериологического исследования мокроты невозможно и не рекомендуется. При наличии оборудования результаты культуральных исследований могут быть использованы в качестве составной части мероприятий по контролю качества бактериоскопии мазков мокроты...

Непосредственный контроль за лечением - это один из элементов стратегии DOTS, т.е. комплекса рекомендованной ВОЗ программы борьбы с туберкулезом. Контроль за лечением означает, что лицо, осуществляющее данный контроль, обязано наблюдать за периодичностью и регулярностью приема лекарственных средств пациентом. Это гарантирует, что больной будет принимать необходимые лекарства в правильной дозировке и с правильными интервалами...

Многие больные, принимающие лекарства самостоятельно, в дальнейшем прекращают лечение. Невозможно предугадать, кто из больных будет лечиться аккуратно и последовательно, а кто прервет терапию, поэтому для предупреждения таких ситуаций лечение проводят под непосредственным контролем - по крайней мере, во время начального этапа специфической терапии. Если больной туберкулезом пропускает контролируемый прием лекарств, необходимо его разыскать и продолжить лечение».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ ИЗ-18/1

81. В связи с условиями своего содержания под стражей в учреждении ИЗ-18/1 в г. Ижевске в период с 30 января 2002 года по 16 июля 2004 года, заявитель подал жалобу на нарушение статьи 3 Конвенции. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

82. Основываясь на справках, выданных заместителем начальника следственного изолятора ИЗ-18/1, Власти Российской Федерации представили подробное описание условий содержания заявителя в данном учреждении, доказывая, что они полностью соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции. В своих дополнительных замечаниях Власти Российской Федерации подчеркнули, что показания сокамерников заявителя, подтверждающие правдивость его описания условий содержания, «вызывают сомнения». При этом Власти Российской Федерации обратили внимание Суда на тот факт, что справки, выданные заместителем начальника, являлись официальными документами, содержащими все необходимые реквизиты, включая подпись, печать и т.д. Более того, если бы было выявлено несоответствие действительности сведений, представленных государственным чиновником, он бы был привлечен к уголовной ответственности.

83. Заявитель выразил несогласие с описанием условий его содержания под стражей, предоставленным Властями Российской Федерации, отметив, что оно не было подкреплено объективными доказательствами, такими как регистрационные журналы, например. При этом подкрепить свои доводы он мог только одним способом - основываясь на заявлениях сокамерников, что он и сделал. Заявитель настаивал на том, что условия его содержания под стражей были бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство. Он твердо отстаивал свое описание условий содержания под стражей, заявив, *inter alia* (среды прочего), о сильной переполненности, плохих санитарных условиях, недостаточном освещении и ненадлежащем питании.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

84. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

85. Суд отмечает, что в ходе разбирательства стороны оспаривали некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-18/1 г. Ижевска. Однако Европейскому Суду нет необходимости проверять истинность каждого утверждения, поскольку он устанавливает нарушение статьи 3 Конвенции, основываясь на тех фактах, которые уже были представлены Суду, и которые Власти государства-ответчика не оспорили.

86. Ключевым фактором, подлежащим оценке Европейским Судом, является жилое пространство, отведенное заявителю в следственном изоляторе. По утверждению заявителя, количество лиц, содержащихся в камерах, значительно превышало их проектную вместимость. Основываясь на справках, выданных заместителем начальника следственного изолятора через три года после окончания срока содержания заявителя под стражей в данном учреждении, Власти Российской Федерации утверждали, что заявителю было отведено не менее четырех квадратных метров личного пространства, и что он был обеспечен индивидуальным спальным местом в течение всего времени содержания в следственном изоляторе. При этом они не сослались на первоисточник

информации, на основании которого можно было бы проверить это утверждение. В этой связи Суд отмечает, что в соответствии со сложившейся практикой, в том случае, если Власти не предоставляет оригиналы записей, Суд постановляет, что документы, составленные спустя значительное количество времени, не могут рассматриваться в качестве достоверных (см., среди прочих последних документов, «Новинский против России» (Novinskiy v. Russia) от 10 февраля 2009 года, жалоба № 11982/02, § 105, а также «Шилбергс против России» (Shi/bergs v. Russia) от 7 декабря 2009 года, жалоба № 20075/03, § 91). Суд считает данные доводы справедливыми в рамках настоящего дела. Справки, предоставленные властями Российской Федерации и составленные через три года после рассматриваемых событий, не могут быть отнесены к достаточно достоверным источникам информации.

87. При данных обстоятельствах, принимая во внимание доказательства, представленные заявителем в подкрепление своих утверждений, а также тот факт, что Власти Российской Федерации не представили никакой убедительной информации по данному вопросу, Суд считает установленным тот факт, что камеры в учреждении ИЗ-18/1 были переполнены. Суд также принимает доводы заявителя о том, что из-за переполненности камер и обусловленной ею нехватки спальных мест ему приходилось отдыхать по очереди с другими сокамерниками. С учетом размера камер, количества заключенных, содержащихся в них под стражей в одно время, и довода сторон о том, что камеры были оборудованы двухъярусными кроватями, столом и кабинкой, в которой находился унитаз, Суд сомневается в том, что площади камеры было достаточно хотя бы для того, чтобы измерить ее шагами. В этой связи Суд отмечает, что вне зависимости от причин переполненности, на Властях государства-ответчика лежит обязанность организовать пенитенциарную систему таким образом, чтобы обеспечить уважение достоинства заключенных, несмотря на финансовые сложности или проблемы материально-технического обеспечения (см. постановление по делу «Мамедова против России» (Mamedova v. Russia) от 1 июня 2006 года, жалоба № 7064/05, § 63).

88. Положение заявителя дополнительно усугублялось тем обстоятельством, что возможность пребывания на открытом воздухе была ограничена одним часом в день, то есть остальные двадцать три часа в сутки, находясь в учреждении ИЗ-18/1, он был лишен свободы движения. Суд также учитывает довод заявителя, подкрепленный письменными заявлениями других заключенных, о том, что окна в камерах были закрыты металлическими ставнями. В данных обстоятельствах Суд не убежден доводом Властей о том, что окна обеспечивали доступ к естественному свету и свежему воздуху. Металлические конструкции значительно уменьшали количество дневного света, который мог проникнуть в камеру, и не пропускали свежий воздух. Из этого следует, что в течение почти двух с половиной лет, в период с 30 января 2002 года по 16 июля 2004 года, заявителю приходилось проводить в следственном изоляторе большую часть времени, находясь в тесной камере без окон в прямом смысле слова (сравните с постановлением по делу «Пирс против Греции» (Peers v. Greece), жалоба № 28524/95, § 75, ЕСПЧ 2001-III). Кроме того, даже исходя из предположения о том, что доводы Властей относительно устройств для принятия водных процедур в следственном изоляторе были более достоверными, Суд отмечает, что тот факт, что доступ к душе и возможность постирать свое белье и одежду предоставлялись заявителю только раз в неделю, вызывает серьезное беспокойство по поводу санитарно-гигиенических условий с учетом сильной

переполненности помещения, в котором он оказался (схожие основания см. в постановлении по делу «Мельник против Украины» (Melnik v. Ukraine) от 28 марта 2006 года, жалоба № 72286/01, § 107).

89. Подытоживая вышесказанное, Суд неоднократно устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостаточностью личного пространства, отведенного заключенным (см. постановление по делу «Худоеров против России» (Khudoerov v. Russia), жалоба № 6847/02, §§104 и далее, ЕСПЧ 2005-Х (извлечения); постановление по делу «Лабзов против России» (Labzov v. Russia) от 16 июня 2005 года, жалоба № 62208/00, §§ 44 и далее; постановление по делу «Новоселов против России» (Novoselov v. Russia) от 2 июня 2005 года, жалоба № 66460/01, §§41 и далее; постановление по делу «Майзит против России» (Mayzit v. Russia) от 20 января 2005 года, жалоба № 63378/00, §§ 39 и далее; постановление по делу «Калашников против России» (Kalashnikov v. Russia), жалоба № 47095/99, §§ 97 и далее, ЕСПЧ 2002-VI; а также постановление по делу «Пирс против Греции» (Peers v. Greece), жалоба № 28524/95. §§ 69 и далее, ЕСПЧ 2001-Ш).

90. Принимая во внимание прецедентную практику, имеющуюся по данному вопросу, и представленные сторонами материалы, Европейский Суд отмечает, что Власти не выдвинули ни одного факта или довода, способного убедить Суд отступить в настоящем деле от ранее сделанных выводов. Хотя в настоящем деле нет указаний на то, что имелось прямое намерение унижить или оскорбить заявителя, Европейский Суд считает, что тот факт, что заявитель был вынужден жить, спать и пользоваться санузлом в очень ограниченном пространстве вместе с таким большим количеством других заключенных, сам по себе являлся достаточным для того, чтобы стать причиной страданий и лишений, степень которых превышает минимальный уровень жестокости, присущий содержанию под стражей, и вызвать у заявителя чувства страха, тоски и собственной неполноценности, способных унижить и оскорбить его.

91. Соответственно, Европейский Суд считает, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в связи с условиями его содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-18/1 города Ижевска в период с 30 января 2002 года по 16 июля 2004 года

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЗАРАЖЕНИЕМ ТУБЕРКУЛЕЗОМ И НЕВЫЯВЛЕНИЕМ БОЛЕЗНИ

92. В своей жалобе заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что он заразился туберкулезом во время содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-18/1, и что в данном учреждении ему не предоставили надлежащую медицинскую помощь. В своих замечаниях, поданных в Суд 21 декабря 2007 года, настаивая на своей первоначальной жалобе по поводу заражения туберкулезом, заявитель утверждал, что администрация следственного изолятора не приняла меры для защиты его здоровья и благополучия, не выявив своевременно его заболевание. Статья 3 приведена выше.

А. Доводы сторон

93. Основываясь на копии медицинской карты заявителя, Власти утверждали, что во время содержания под стражей заявитель находился под тщательным медицинским наблюдением. Это наблюдение включало регулярные медицинские осмотры еще до того, как у него был диагностирован туберкулез, своевременное и эффективное реагирование на жалобы заявителя, касающиеся его здоровья, а также эффективное медицинское лечение после появления симптомов заболевания. Полученное заявителем лечение соответствовало требованиям, установленным российским законодательством, и международным медицинским стандартам.

94. При этом Власти Российской Федерации утверждали, что невозможно установить «вне рамок разумного сомнения», что заявитель заразился туберкулезом, находясь в заключении. Власти аргументировали это тем, что по данным врачей-специалистов и результатов обследований большинство взрослого населения России, и, следовательно, большинство лиц, поступающих в российскую пенитенциарную систему, уже заражено микобактерией туберкулеза (далее - «МБТ»). Власти подчеркнули, что МБТ, находящиеся в неактивном состоянии, нельзя выявить обычными рентгеноскопическими методами, и что с момента заболевания туберкулезом до полного развития болезни может пройти несколько лет. Власти привели статистические данные, утверждая, что только у 89 из 100 000 человек, зараженных бактерией, развивается активная форма болезни. Власти обратили внимание Европейского Суда на тот факт, что современная наука не смогла однозначно определить факторы, приводящие к реактивации туберкулезного процесса. Тем не менее, было установлено, что инфекции подвержены лица со слабой иммунной системой. Также должны учитываться наследственные факторы.

95. Основываясь на медицинской справке, выданной гражданской больницей, заявитель утверждал, что он не страдал туберкулезом до того, как был помещен в следственный изолятор ИЗ-18/1, и что за два года содержания под стражей в данном учреждении у него не было выявлено признаков туберкулеза. Состояние его здоровья серьезно ухудшилось вследствие того, что он содержался под стражей в антисанитарных условиях и с большим количеством заключенных, некоторые из которых могли быть заражены туберкулезом. Заявитель настаивал на том, что Государство всецело несет ответственность за его заражение туберкулезом, негативно отразившееся на качестве и продолжительности его жизни. Власти не приняли мер для устранения риска заражения. В частности, рентгенологические обследования проводились нерегулярно. Власти откладывали флюорографические обследования, которые должны были проводиться раз в полгода. Правильный диагноз был поставлен только после того, как у заявителя начали проявляться все признаки болезни: он сильно похудел, у него поднялась высокая температура и началась одышка. Несвоевременно поставленный диагноз причинил ему сильные душевные страдания и был явным признаком ненадлежащей медицинской помощи.

В. Оценка Суда

Приемлемость

(а) Общие принципы

96. Европейский Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см., например, постановление по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*) [GC], жалоба № 26772/95, § 119, ЕСПЧ 2000-IV). Однако чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка указанного минимального уровня относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., среди других источников, постановление по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*) от 18 января 1978 года, § 162, Series A № 25).

97. Ненадлежащее обращение, достигающее минимального уровня жестокости, обычно предполагает фактическое нанесение телесных повреждений или причинение значительных физических или душевных страданий. Однако даже при отсутствии вышеперечисленного, в тех случаях, когда то или иное обращение унижает или оскорбляет человека, обнаруживая неуважение к его человеческому достоинству или его принижение, или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное сломить моральное и физическое сопротивление личности, оно может быть охарактеризовано как «унижающее достоинство» и также подпадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции (см. постановление по делу «Претти против Соединенного Королевства» (*Pretty v. the United Kingdom*), жалоба № 2346/02, § 52, ЕСПЧ 2002-III, с дальнейшими ссылками).

98. Что касается лишения свободы, Европейский Суд неизменно подчеркивал, что для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, перенесенное страдание или унижение в любом случае должно выходить за пределы неизбежного элемента страданий и унижений, связанных с содержанием под стражей (см., *mutatis mutandis* (внося необходимые изменения), постановление по делу «Тайпер против Соединенного Королевства» (*Tyler v. the United Kingdom*) от 25 апреля 1978 года, § 30, Series A № 26, и постановление по делу «Соринг против Соединенного Королевства» (*Soering v. the United Kingdom*) от 7 июля 1989 года, § 100, Series A № 161).

99. Государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишений и страданий в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, и чтобы его здоровье и благополучие - с учетом практических требований режима лишения свободы - обеспечивались надлежащим образом (см. постановление по делу «Кудла против Польши» (*Kudla v. Poland*) [GC], жалоба № 30210/96, §§ 92-94, ЕСПЧ 2000-XI, и постановление по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*) от 13 июля 2006 года, жалоба № 26853/04, § 208). В большинстве дел, касающихся содержания под стражей людей с различными заболеваниями, Европейский Суд рассматривал вопрос о том, получил ли заявитель надлежащую медицинскую помощь в тюрьме. В этой связи Европейский Суд повторяет, что даже если статья 3 Конвенции не дает заключенному права на освобождение «из соображений гуманности», Суд всегда интерпретировал требование по обеспечению здоровья и благополучия

заклученных, в том числе, как обязательство со стороны Государства предоставить заключенным необходимую медицинскую помощь (см. упоминавшееся выше дело Кудлы (Kudla), § 94; Постановление по делу «Калашников против России» (Kalashnikov v. Russia), жалоба № 47095/99, §§ 95 и 100, ЕСПЧ 2002-VI; и постановление по делу «Худобин против России» (Khudobin v. Russia), жалоба № 59696/00, § 96, ЕСПЧ 2006-ХН).

100. «Адекватность» медицинской помощи остается наиболее трудным для определения моментом. КПП провозгласил принцип равноценности медицинского обслуживания в местах отбытия наказания медицинскому обслуживанию в обществе (см. выше пункт 74). Суд настаивает на том, что, в частности, власти должны обеспечить своевременность и тщательность диагностики и ухода (см. постановление по делу «Гумматов против Азербайджана» (Hummatov v. Azerbaijan) от 29 ноября 2007 года, жалобы № 9852/03 и 13413/04, § 115; упоминавшееся выше постановление по делу Мельника (Melnik), §§ 104-106; и *mutatis mutandis* (внося необходимые изменения), постановление по делу «Холомиов против Молдавии» (Holomiov v. Moldova) от 7 ноября 2006 года, жалоба № 30649/05, § 121), и – при необходимости, определяющей самой природой заболевания - регулярность и систематичность наблюдения, наличие комплексной терапевтической стратегии, направленной на устранение проблем заключенного со здоровьем или на предупреждение их усугубления (см. приведенное выше постановление по делу Гумматова (Hummatov), §§ 109, 114; постановление по делу «Сарбан против Молдовы» (Sarban v. Moldova) от 4 октября 2005 года, жалоба № 3456/05, пункт 79; и приведенное выше постановление по делу «Попов против России» (Popov v. Russia), § 211). Однако Европейский Суд также решил, что статья 3 Конвенции не может интерпретироваться как гарантирующая каждому лицу, содержащемуся под стражей, медицинское обслуживание на том же уровне, что и «в лучших клиниках, предназначенных для гражданского населения» (см. решение по делу «Мирилашвили против России» (Mirilashvili v. Russia) от 10 июля 2007 года, жалоба № 6293/04). В другом деле Европейский Суд пошел еще дальше, решив, что он «готов признать ограниченность ресурсов медицинских учреждений в рамках пенитенциарной системы по сравнению с ресурсами клиник, предназначенных для гражданского населения» (см. постановление по делу «Гришин против России» (Grishin v. Russia) от 15 ноября 2007 года, жалоба № 30983/02, § 76).

101. В целом, Европейский Суд оставляет за собой достаточную степень гибкости при определении обязательного стандарта медицинского обслуживания, решая этот вопрос в каждом случае отдельно. Данный стандарт должен быть «совместим с человеческим достоинством» заключенного, но при этом должен учитывать «практические требования режима лишения свободы» (см. постановление по делу «Алексян против России» (Aleksanyan v. Russia) от 22 декабря 2008 года, жалоба № 46468/06, § 140).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

102. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что по результатам флюорографического обследования, проведенного 20 июня 2004 года, т.е. более чем через два года после задержания в декабре 2001 года, у заявителя был диагностирован туберкулез, которым, по его утверждению, до задержания он не болел. Более того, медицинские справки, представленные заявителем, и представленное Властями медицинское заключение свидетельствуют о том, что на момент помещения

в следственный изолятор ИЗ-18/1 в г. Ижевске у заявителя ни разу не был диагностирован туберкулез. Также у него не было обнаружено симптомов туберкулеза в период с 30 января 2002 года, когда заявитель прошел первое флюорографическое обследование во время содержания под стражей, по конец июня 2004 года, когда было диагностировано заболевание. Три флюорографических обследования, которые были проведены в этот период, не выявили признаков инфекции.

103. В этом отношении Европейский Суд разделяет мнение Властей по поводу того, что микобактерия туберкулеза (МБТ), также известная как палочка Коха, может некоторое время находиться в организме человека в скрытом состоянии, без проявления клинических признаков заболевания. Однако, для того, чтобы Власти действительно могли доказать, что заявитель был заражен палочкой Коха еще до ареста, нужно было поставить заявителю пробу Манту по его прибытии в следственный изолятор и дополнительно провести флюорографическое обследование или специальный анализ крови на туберкулез, который бы указал на наличие скрытой инфекции. Тем не менее, из доводов сторон очевидно, что российские пенитенциарные учреждения не используют при поступлении заключенных какие-либо иные методы обследования на наличие у них МБТ кроме флюорографического обследования. Таким образом, нельзя исключать возможность того, что до ареста заявитель мог никогда не подвергаться воздействию данной инфекции, и что он заболел туберкулезом только во время нахождения под стражей, особенно с учетом того, что сильная переполненность, неудовлетворительная вентиляция и плохие санитарные условия, в которых оказался заявитель в учреждении ИЗ-18/1 (см. выше §§ 85-91), являются благоприятной средой для передачи туберкулеза (см. постановление Европейского Суда по делу «Гхавтадзе против Грузии» (*Ghavitadze v. Georgia*) от 3 марта 2009 года, жалоба № 23204/07, § 86, а также одно из последних постановлений - постановление по делу «Пахомов против России» (*Pakhomov v. Russia*) от 30 сентября 2009 года, жалоба № 44917/08, § 64). Европейский Суд также помнит о статистических оценках, согласно которым Россия является одной из двадцати двух стран мира с высоким уровнем заболеваемости туберкулезом, и которые зафиксировали резкое повышение уровня заболеваемости туберкулезом в 1990-е годы, а также помнит об отчетах, свидетельствующих о том, что в российских местах отбытия наказания туберкулез встречается в двадцать раз чаще, чем в целом по стране (см. выше пункт 79). С учетом всех этих соображений, присовокупляя их к тому факту, что два первых флюорографических обследования, которые были проведены в период между январем 2002 года и июнем 2004 года, не выявили патологии в легких заявителя, Европейский Суд считает наиболее вероятным, что заявитель заразился туберкулезом в следственном изоляторе ИЗ-18/1 (см. постановление Европейского Суда по делу «Стайков против Болгарии» (*Staykov v. Bulgaria*) от 12 октября 2006 года, жалоба № 49438/99, § 81; постановление Европейского Суда по делу «Яковенко против Украины» (*Yakovenko v. Ukraine*) от 25 октября 2007 года, жалоба № 15825/06, §§ 28 и 95; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу Хумматова (*Hummatov*). §§ 108 и 111; и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу Гхавтадзе (*Ghavitadze*), § 86).

104. Европейский Суд находит особенно возмутительным то, что заражение заявителя туберкулезом могло произойти в пенитенциарном учреждении под контролем Государства. Это явное последствие того, что власти не остановили или не предотвратили распространение заболевания. Принимая во внимание этот факт,

Европейский Суд напоминает о своем неизменном подходе, гласящем, что Государство несет ответственность по обеспечению лечения для находящихся в его ведении заключенных, а отсутствие адекватной медицинской помощи в случае серьезных проблем со здоровьем, возникших во время пребывания под стражей, может быть равносильным нарушению статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу Хумматова (Hummatov), § 108 и далее). Отсутствие лечения или неадекватное лечение туберкулеза, особенно в тех случаях, когда заболевание было приобретено во время содержания под стражей, несомненно, являются предметом беспокойства для Европейского Суда. Таким образом, в подобных делах Суд, прежде всего, должен оценить качество медицинского обслуживания, оказанного заявителям, и, если они были лишены адекватной медицинской помощи, установить, было ли это равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, подпадающему под действие статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Сарбан против Молдовы» (Sarban v. Moldova) от 4 октября 2005 года, жалоба № 3456/05, § 78).

105. Европейский Суд отмечает, что заявитель внес изменения в свою жалобу по статье 3, касающуюся его заболевания туберкулезом: он утверждал о несвоевременном диагностировании болезни и больше не поддерживал свою жалобу на ненадлежащую медицинскую помощь после постановки диагноза. В этой связи Европейский Суд отмечает, что в его распоряжении отсутствуют доказательства, подтверждающие претензии заявителя по поводу позднего обследования на предмет заболевания. По сути, заявитель не предоставил никаких объяснений в подкрепление своего довода, просто отметив общее ухудшение состояния своего здоровья, произошедшее до того, как было обнаружено заболевание во время медицинского осмотра, проведенного 20 июня 2004 года. При этом Европейский Суд не выявил никакого промедления со стороны администрации следственного изолятора при реагировании на жалобы заявителя, касающиеся его здоровья. В частности, Европейский Суд отмечает, что заявитель был своевременно осмотрен лечащим врачом учреждения, который изучил его медицинскую карту, записал жалобы и назначил рентгенологическое обследование. Медицинская карта заявителя свидетельствует о том, что 20 июня 2004 года, то есть всего лишь через четыре месяца после предыдущего флюорографического обследования органов грудной клетки в феврале 2004 года, заявитель прошел полный медицинский осмотр, включая рентгенологическое обследование. Вскоре после этого он прошел еще одно рентгеноскопическое обследование, которое подтвердило наличие заболевания. Таким образом, Суд убежден, что при выявлении заболевания медперсонал учреждения действовал своевременно и усердно, используя ту меру, которая является основной в современной стратегии борьбы с туберкулезом и его лечения.

106. Хотя качество медицинских услуг, оказанных заявителю после выявления заболевания, больше не является предметом рассмотрения Европейского Суда (см. выше пункты 92, 95 и 105), Суд по-прежнему считает необходимым подчеркнуть, что качество лечения, предоставленного заявителю после выявления туберкулеза, по-видимому, является надлежащим. В частности, представленные Европейскому Суду доказательства свидетельствуют о том, что власти Российской Федерации использовали все существующие средства (бактериоскопию мокроты, посев мокроты и рентгенологические обследования органов грудной клетки) для того, чтобы поставить

заявителю правильный диагноз, рассмотрев степень заболевания и определив тяжесть туберкулеза с тем, чтобы прописать соответствующее лечение.

107. Заявителю назначили строгий режим лекарственной терапии, необходимой для лечения туберкулеза, когда за начальной стадией следует фаза продолжения лечения в соответствии с рекомендациями ВОЗ: он получил ряд противотуберкулезных и сопутствующих антигистаминовых препаратов, которые вводились ему в нужных дозах, с правильными интервалами и в течение необходимого периода. В течение всего периода лечения заявитель проходил регулярные и систематические клинические, радиологические и бактериологические обследования, являвшиеся частью комплексной терапевтической стратегии, направленной на излечение заболевания. Администрация следственного изолятора эффективно выполняла рекомендации врача, касающиеся особого диетического рациона, необходимого заявителю для улучшения его здоровья (в отличие от постановления Европейского Суда по делу «Городничев против России» (Gorodnitchev v. Russia) от 24 мая 2007 года, жалоба № 52058/99, § 91).

108. Кроме того, Европейский Суд придает особое значение тому факту, что администрация учреждения не только приняла необходимые меры для того, чтобы заявителя посещали врачи, его жалобы были услышаны, и ему было назначено пробное противотуберкулезное лечение, но и создала необходимые условия для того, чтобы прописанное лечение было доведено до конца (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу Гумматова (Hummatov), § 116). Европейский Суд отмечает, что заявитель осуществлял прием лекарственных препаратов под надзором и прямым наблюдением медицинских работников учреждения в течение всего курса лечения в соответствии с требованиями стратегии DOTS. Помимо этого, в ситуации, когда власти столкнулись с периодическими отказами заявителя от сотрудничества и его сопротивлением лечению, они обеспечили ему психологическую поддержку и внимание, четко и полностью разъяснив назначение медицинских процедур, ожидаемый исход лечения и отрицательные побочные эффекты прерывания лечения, нерегулярного приема препаратов или голодания (сопоставьте с приведенным выше постановлением по делу Городничева {Gorodnitchev}, § 91; постановлением по делу «Теста против Хорватии» {Testa v. Croatia) от 12 июля 2007 года, жалоба № 20877/04, § 52; постановлением по делу «Тарариева против России» (Tarariyeva v. Russia), жалоба № 4353/03, § 80, ЕСПЧ 2006-XV (извлечения)). Действия властей обеспечили строгое соблюдение заявителем условий и предписанной схемы лечения, что является ключевым фактором успешности и скорого выздоровления.

109. Медицинская карта, содержащая диагноз заявителя, поставленный после завершения лечения весной 2005 года – «инфильтративный туберкулез в стадии ремиссии», – свидетельствовала о положительной динамике в лечении заявителя, что означало его выздоровление. Курс лечения изменялся с учетом улучшения состояния его здоровья. Материалы дела не содержат ничего, что могло бы привести Европейский Суд к выводу о том, что заявителю не была оказана комплексная медицинская помощь на различных этапах лечения туберкулеза. Заявитель не отрицал, что ему было обеспечено наблюдение врача, проводились обследования, или что ему выдавались предписанные лекарственные препараты, как указано в медицинской документации, представленной властями Российской Федерации. По сути, он не указал

никаких недостатков медицинского обслуживания, кроме предположительно поздно поставленного диагноза.

110. Наконец, после завершения лечения, обеспечившего «клиническое выздоровление заявителя от инфильтративного туберкулеза», он оставался под наблюдением врача, направленным на предотвращение рецидива заболевания.

111. В заключение, Суд считает, что Власти Российской Федерации представили достаточные доказательства, позволяющие Европейскому Суду прийти к выводу о том, что национальные власти без излишнего промедления диагностировали у заявителя туберкулез и предоставили ему комплексную и эффективную медицинскую помощь в отношении данного заболевания, наличие которой было очевидным. Отсюда следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ СО СТОРОНЫ СОТРУДНИКОВ КОНВОЙНОЙ СЛУЖБЫ МИЛИЦИИ

112. Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявитель жаловался на то, что 10 июля 2003 года он был жестоко избит сотрудниками конвойной службы милиции, и что расследование не привело к наказанию ответственных лиц.

A. Доводы сторон

113. Власти Российской Федерации утверждали, что Государство не несет ответственности за травмы, полученные заявителем 10 июля 2003 года. Хотя Власти признают, что в тот день против заявителя была применена физическая сила, они подчеркивают, что эта сила была не более чем законной и адекватной ответной реакцией на неповиновение заявителя. Кроме того, они подчеркнули, что наличие рваной раны на лбу заявителя было вызвано падением последнего в тюремном фургоне при сопротивлении законным приказам конвоиров. Национальные власти провели тщательное расследование событий, произошедших 10 июля 2003 года, и, собрав доказательства неповиновения заявителя, отклонили жалобу на чрезмерное применение силы.

114. Заявитель доказывал, что ему было нанесено множество травм, в том числе травма головы, которую он не мог нанести себе сам, поскольку во время рассматриваемых событий на его руки были надеты наручники. Наручники также не позволяли ему применить силу против сотрудников милиции. Кроме того, он подчеркнул, что после избиений его заставили оставаться в течение нескольких часов в конвойной комнате, и что медицинская помощь была оказана ему только в следственном изоляторе вечером 10 июля 2003 года. Заявитель настаивал на том, что рваная рана на его лбу могла возникнуть только в результате удара наручниками. Он не мог получить эту травму в результате простого падения, поскольку стены и пол фургона были гладкими и не имели никаких острых кромок, о которые он мог поранить лоб при падении. Заявитель отметил, что доводы властей были непоследовательными, поскольку они выдвинули две противоречащие друг другу версии событий, настаивая на том, что сотрудники

милиции применили против него силу, и в то же время утверждая, что травму на лбу он нанес себе сам.

115. Помимо этого, заявитель утверждал, что расследование рассматриваемых событий было неэффективным и субъективным, поскольку следователь с готовностью признал правдивость утверждений сотрудников конвойной службы, и отклонил его версию событий как недостоверную. Более того, следователи не осуществили ряд процессуальных действий. Неоднократные отказы районного суда в признании постановления следователя обоснованным, по мнению заявителя, были главным признаком того, что расследование было проведено ненадлежащим образом.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

116. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

(i) Что касается сферы применения статьи 3

117. Европейский Суд неоднократно устанавливал, что статья 3 закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Даже при наиболее сложных и неоднозначных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см., постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, § 119, ЕСПЧ 2000-IV, и постановление Европейского Суда по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*) от 15 ноября 1996 года, § 79, Сборник Постановлений и Решений (*Reports of Judgments and Decisions*) 1996-V). Статья 3 не предусматривает исключений, и, согласно пункту 2 статьи 15 Конвенции, ее частичная отмена не разрешается даже в случае чрезвычайных ситуаций в обществе, угрожающих жизни нации (см. постановление Большой Палаты по делу «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 95, ЕСЧР 1999-V, и решение Европейского Суда по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*) от 28 октября 1998 года, Сборник (*Reports*) 1998-VIII, с. 3288, § 93).

118. Европейский Суд неизменно подчеркивал, что при нарушении статьи 3 Конвенции перенесенные страдания и унижения в любом случае должны выходить за пределы минимального уровня жестокости, связанного с данной формой правомерного обращения или наказания. Меры лишения свободы часто могут включать такой элемент. В соответствии со статьей 3 Конвенции государство должно обеспечить содержание лица под стражей в условиях, совместимых с уважением его человеческого

достоинства. Порядок и способ исполнения такой меры не должны подвергать лицо переживаниям и трудностям, интенсивность которых превышает минимальный уровень жестокости, присущий содержанию под стражей (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудла против Польши» (Kudla v. Poland), жалоба № 30210/96, §§ 92-94, ЕСПЧ 2000-XI).

119. В контексте лишения свободы Европейский Суд подчеркивал, что лица, содержащиеся под стражей, находятся в уязвимом положении; поэтому власти обязаны обеспечить их физическое благополучие (см. постановление Европейского Суда по делу «Тарариева против Российской Федерации» (Tararīyeva v. Russia), жалоба № 4353/03, § 73, ЕСПЧ 2006-... (извлечения); постановление Европейского Суда по делу «Сарбан против Молдавии» (Sarban v. Moldova) от 4 октября 2005 года, жалоба № 3456/05, § 77; и постановление Европейского Суда по делу «Муизель против Франции» (Mouisel v. France), жалоба № 67263/01, § 40, ЕСПЧ 2002-IX). В отношении лица, лишенного свободы, любое применение силы, которое не является строго необходимым в связи с его поведением, умаляет человеческое достоинство и в принципе нарушает право, гарантированное статьей 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Шейдаев против Российской Федерации» (Sheydayev v. Russia) от 7 декабря 2006 года, жалоба № 65859/01, § 59; постановление Европейского Суда по делу «Рибич против Австрии» (Ribitsch v. Austria) от 4 декабря 1995 года, § 38, Series A №336; и постановление Европейского Суда по делу «Крастанов против Болгарии» (Krastanov v. Bulgaria) от 30 сентября 2004 года, жалоба № 50222/99, § 53).

(ii) Что касается установления фактов

120. Европейский Суд повторяет, что утверждения о жестоком обращении должны подкрепляться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Европейский Суд обычно применяет стандарт доказывания «вне рамок разумного сомнения» (см. постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. the United Kingdom) от 18 января 1978 года, § 161, A № 25). Однако такое доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или неопровержимых фактов. Если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время содержания под стражей. Действительно, можно считать, что на властях лежит бремя доказывания с целью представить достаточное и убедительное объяснение произошедшему (см. постановление Большой Палаты по делу «Салман против Турции» (Salman v. Turkey), жалоба №21986/93, § 100, ЕСПЧ 2000-VII).

121. В том случае, если имело место внутреннее разбирательство, в задачи Европейского суда не входит замена своей оценкой оценки фактов внутренними судами. По общему правилу именно национальные суды призваны оценивать предъявленные им доказательства (см. постановление Европейского Суда по делу «Клаас против Германии» (Klaas v. Germany) от 22 сентября 1993 года, § 29, Series A № 269). Хотя Европейский Суд не связан выводами национальных судов, для того, чтобы вынудить его отойти от выводов таких судов о фактах, при обычных обстоятельствах требуются бесспорные элементы (см. постановление Европейского Суда по

делу «Матко против Словении» (Matko v. Slovenia) от 2 ноября 2006 года, жалоба № 43393/98, § 100). Однако если в жалобе содержатся утверждения о нарушении статьи 3 Конвенции, Европейский Суд обязан осуществлять особенно тщательную проверку этих данных (см., *mutatis mutandis* (с необходимыми изменениями), упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу Рибича (Ribitsch), § 32).

(б) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

(i) Установление фактов и применение правила о минимальном уровне жестокости

122. Европейский Суд отмечает, и стороны не оспаривали тот факт, что 10 июля 2003 года заявитель и его сокамерник Х. вступили в спор с сотрудниками конвойной службы милиции, которые доставили их в здание суда. Также не оспаривалось, что сотрудники конвойной службы применили физическую силу против заявителя.

123. Европейский Суд повторяет, что конкретные обстоятельства и интенсивность применения силы в отношении заявителя оспаривались сторонами. Власти Российской Федерации утверждали, что сила применялась законно в ответ на неповиновение заявителя. Использование в данных обстоятельствах силы не выходило за рамки обоснованности и необходимости. Как явствует из отчетов сотрудников милиции и их опроса, проведенного следователем, когда утром 10 июля 2003 года заявитель отказался выйти из фургона и пройти в здание суда, конвоиры сломали его сопротивление и привели в суд. Схожие события произошли в тот же день после полудня, когда заявитель не только отказался выйти из фургона, но и попытался укунить конвоира (см. выше пункт 41). Заявитель не оспаривал, что он отказывался подчиняться приказам сотрудников милиции и оказывал им активное сопротивление, даже с применением насилия.

Однако, основываясь на заявлении своего сокамерника Х., он утверждал, что конвоиры неоднократно наносили ему побои, ударяя ногами в различные части тела. Более того, один из конвоиров ударил его по голове наручниками, в результате чего у него появился порез на лбу.

124. Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что вечером 10 июля 2003 года заявителя осмотрел врач следственного изолятора. Медицинская справка, выписанная им, свидетельствует о том, что на лбу у заявителя имелась небольшая рваная рана, покрытая коркой из засохшей крови (см. выше пункты 36 и 37). Никаких других травм обнаружено не было. 11 июля 2003 года заявителя осмотрели судебно-медицинские эксперты, которые также отметили рваную рану на лбу, но не сделали записей ни о каких других травмах на его теле. В этом отношении Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что заявитель не оспаривал достоверность или точность выводов, сделанных медицинскими работниками и в том, и в другом случае.

125. Европейский Суд отмечает довод Властей Российской Федерации о том, что заявитель мог получить эту рану при оказании сопротивления сотрудникам милиции, и что, скорее всего, он поскользнулся и упал в фургоне. Заявитель представил совершенно иную версию событий, утверждая, что один из сотрудников милиции ударил его по голове наручниками. Однако Европейский Суд не может не придавать значения несоответствиям, которыми изобиливали различные описания событий, данные заявителем в его доводах в Европейском Суде и в жалобах национальным

властям. Например, в ходе первого допроса, проводившегося следователем прокуратуры Индустриального района, заявитель жаловался, что в ответ на его попытку укусить конвоира последний ударил заявителя в лоб наручниками (см. выше пункт 41). В ходе второго допроса заявитель изменил свою версию событий, утверждая, что сотрудник конвойной службы также порезал ему губу (см. выше пункт 45). Однако в своей жалобе в Европейский Суд заявитель описал события, произошедшие 10 июля 2003 года, как жестокое избиение, утверждая, что сотрудники милиции неоднократно наносили ему побои ногами. После того, как Власти Российской Федерации были извещены о его жалобе, в ответ на их меморандум заявитель дал описание событий, схожее с тем, что он рассказал следователю после 10 июля 2003 года.

126. Учитывая несоответствия в версиях событий, изложенных заявителем на различных этапах производства по делу, Европейский Суд также отмечает, что он не может вне обоснованных сомнений сделать вывод о том, что рваная рана, обнаруженная на лбу заявителя врачом следственного изолятора, была нанесена при обстоятельствах, описываемых заявителем. Представленные доказательства не позволяют Европейскому Суду исключить ни версию событий Властей Российской Федерации, ни версию событий заявителя. Травма, обнаруженная на лбу заявителя, соотносится как с небольшой стычкой между заявителем и сотрудниками конвойной службы, так и со случайным падением в тюремном фургоне.

127. Отмечая неубедительный анализ травмы заявителя, Европейский Суд также отмечает отсутствие других доказательств, которые могли бы пролить свет на события 10 июля 2003 года. Европейский Суд не убежден заявлениями сокамерника заявителя, Х., сделанными в подкрепление утверждений заявителя о произволе должностных лиц. Суд сомневается, что Х. можно считать «объективным наблюдателем» обстоятельств данного инцидента. Также удивительно то, что хотя Х. сам оказывал активное сопротивление приказам сотрудников милиции, он смог обратить внимание на точные обстоятельства, при которых заявителю была нанесена травма. Европейский Суд учитывает тот факт, что, описывая, каким образом сотрудник конвойной службы ударил заявителя по лбу, Х. утверждает, что конвоир надел наручники на кулак как кастет. Однако это описание плохо соотносится с характером травмы заявителя: короткая и узкая рваная рана на лбу. Суд скорее поддерживает версию о том, что эта травма стала результатом непреднамеренного применения силы в ходе стычки между заявителем и сотрудниками милиции или случайного падения в тюремном фургоне.

128. Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу об отсутствии свидетельств чрезмерного применения силы сотрудниками конвойной службы, когда при выполнении своих обязанностей они столкнулись с предположительным нарушением порядка со стороны заявителя. Европейский Суд также не убежден в том, что примененная сила оказала такое влияние на физическое или душевное благополучие заявителя, что это привело к нарушению статьи 3 Конвенции.

129. При таких обстоятельствах Европейский Суд не может считать установленным вне обоснованных сомнений то, что 10 июля 2003 года заявитель подвергся обращению, противоречащему статье 3, или что власти прибегли к применению

физической силы, которое не было крайне необходимым из-за собственного поведения заявителя.

130. Следовательно, нарушение статьи 3 Конвенции в этом отношении отсутствует.

(ii) Предполагаемая неадекватность расследования

131. Европейский Суд напоминает, что если лицо выдвигает доказуемое утверждение о том, что оно подверглось особенно жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, эта статья во взаимосвязи с общим обязательством государства по статье 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся в его юрисдикции, права и свободы, определенные в ... Конвенции», косвенно требует проведения эффективного официального расследования. Обязательство расследовать - это «не обязательство получить результат, а обязательство принять меры»: не каждое расследование обязательно должно быть успешным или привести к результатам, подтверждающим изложение фактов заявителем; однако оно должно, в принципе, вести к выяснению обстоятельств дела и, если жалобы оказались обоснованными, к установлению и наказанию виновных. Таким образом, расследование заслуживающих внимания сведений о жестоком обращении должно быть тщательным.

Это означает, что власти должны всегда предпринимать серьезную попытку установить, что произошло, и не должны со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование или принимать какие-либо решения. Они должны принимать все разумные, доступные им меры для обеспечения доказательств относительно инцидента, в том числе, *inter alia*, показания очевидцев, заключения судебно-медицинской экспертизы и так далее. Любой недостаток расследования, уменьшающий шансы установления причины получения травм или личности виновных, грозит отступлением от этого стандарта (см., среди многих других источников, упоминавшееся выше постановление по делу Михеева (Mikheyev), § 107 и последующие, и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (Assenov and Others v. Bulgaria) от 28 октября 1998 года, § 102 и последующие).

132. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Европейский Суд отмечает, что органы прокуратуры, которые были осведомлены о факте нанесения побоев заявителю, провели предварительную проверку, не повлекшую уголовное преследование участников избиения. Жалобы заявителя на жестокое обращение были также предметом рассмотрения российских судов. По мнению Европейского Суда, вопрос, следовательно, заключается не столько в том, было ли проведено расследование, тем более что стороны не оспаривают его проведения, сколько в том, осуществлялось ли оно тщательно, намерены ли были власти установить и наказать виновных и, соответственно, было ли расследование «эффективным».

133. Таким образом, Европейский Суд вначале оценит безотлагательность прокурорской проверки, которая может рассматриваться как показатель решимости властей установить и при необходимости преследовать виновных в жестоком обращении с заявителем (см. постановление Большой Палаты по делу «Сельмуни против Франции» (Selmouni v. France), жалоба № 25803/94, §§ 78 и 79, ЕСПЧ 1999-V). В настоящем деле, несмотря на неожиданный довод Властей о противоположном, Европейский Суд считает установленным, что заявитель обратился в органы

прокуратуры с жалобой на жестокое обращение 11 июля 2003 года (см. выше пункт 38). Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что прокуратура начала расследование сразу же после уведомления о предполагаемых побоях. В тот же день заявитель прошел медицинский осмотр, санкционированный следственными органами. Вследствие рассматриваемых событий были безотлагательно предприняты дальнейшие меры. В частности, власти предприняли важные следственные меры, в том числе официально потребовали объяснений со стороны начальника конвойной службы милиции и допросили самих конвоиров, сокамерника заявителя, его соответчика и защитника. Также они потребовали провести экспертное медицинское освидетельствование сотрудника милиции, которому заявитель нанес травму при оказании сопротивления. Европейский Суд не считает тот факт, что три постановления следователя были отменены судом, доказательством какого-либо недостатка расследования, поскольку из материалов дела представляется, что следственные органы старательно прикладывали усилия к тому, чтобы выяснить обстоятельства событий и увязать между собой противоречащие друг другу версии событий. В частности, они упорно пытались установить личности дополнительных свидетелей, которые могли бы пролить свет на рассматриваемые события, и опросить их. Также они повторно допрашивали уже известных свидетелей, чтобы устранить или объяснить расхождения, возникшие в их предыдущих заявлениях. Европейский Суд также принимает во внимание тот факт, что задача властей значительно осложнялась из-за непоследовательности жалоб заявителя и его противоречивым описанием событий. Следователи были вынуждены осуществлять процессуальные действия с большей осторожностью и тщательностью при работе с нечеткой и озадачивающей информацией, поступившей от заявителя. При этом Европейский Суд удовлетворен тем, что следователи не медлили с личным допросом заявителя, а также предоставили ему возможность уточнить свои свидетельские показания. Кроме того, Суд обращает внимание на тот факт, что заявитель не жаловался на то, что он не был должным образом извещен о ходе расследования.

134. При дальнейшей оценке хода расследования Европейский Суд отмечает, что следователь явно не осмотрел фургон в котором заявитель был доставлен к зданию суда, где и произошло предполагаемое избиение. Повторяя, что надлежащий осмотр места совершения преступления является основополагающим процессуальным действием при расследовании преступления, Суд не убежден, в обстоятельствах данного дела, в частности, ввиду отсутствия указаний сторон на то, что в фургоне были оставлены вещественные доказательства, в том, что отсутствие осмотра привело к потере возможности сбора доказательств и помешало следствию установить главные факты по делу.

135. Европейский Суд также придерживается мнения о том, что с самого начала расследования власти всесторонне оценили представленные им медицинские заключения, пытаясь сделать из них какие-то выводы, при этом не слишком охотно принимая версию событий, изложенную сотрудниками милиции. Тем не менее, Европейский Суд не считает установленным тот факт, что следственные органы не осуществили поиск доказательств, подкрепляющих версию сотрудников милиции или не уделили этой версии достаточно внимания. Суд также устанавливает, что он может считать, что власти действовали с достаточной безотлагательностью и осуществляли процессуальные действия с разумной поспешностью.

136. Принимая во внимание выводы, сделанные выше в пунктах 133 и 134, Суд считает, что внутригосударственное расследование было эффективным по смыслу статьи 3

Конвенции. Соответственно, нарушение процессуального обязательства по статье 3 Конвенции отсутствует.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

137. Заявитель также жаловался на то, что длительность уголовного разбирательства в отношении обвинений в грабеже была несовместима с требованием о «разумном сроке», установленным в пункте 1 статьи 6 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения ... имеет право на ...разбирательство дела в разумный срок ... судом ...»

А. Доводы сторон

138. Власти Российской Федерации утверждали, что национальные власти полностью выполнили требование о «разумном сроке» в соответствии с российским законодательством и пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Длительность разбирательства имела объективные оправдывающие обстоятельства, заключающиеся в сложности уголовного дела, в котором принимали участие четыре ответчика, и рассмотрении ряда обвинений и событий преступления, необходимости обеспечить участие в процессе свидетелей и потерпевших и невозможности посещения судебных заседаний для защитников в связи с их занятостью в другом процессе. При этом, по мнению Властей, значительная задержка в разбирательстве по делу произошла по вине заявителя и его соответчика, которые неоднократно отказывались от услуг адвокатов. При каждом назначении нового адвоката суд вынужден был предоставить дополнительное время на изучение материалов дела и подготовку линии судебной защиты. Кроме того, заявитель активно использовал свое право на защиту, подав значительное количество ходатайств, заявлений и просьб, на основании которых был вынужден действовать суд первой инстанции.

139. Заявитель доказывал, что разбирательство по делу, которое длилось три года и восемь месяцев, шло с перерывами. Были длительные периоды, когда национальные власти оставались абсолютно пассивными либо исправляли свои процессуальные ошибки. В частности, суд первой инстанции четыре раза направлял материалы по делу следственным органам для устранения серьезных недостатков, препятствовавших рассмотрению дела по существу. Кроме того, заявитель отметил, что сложность дела не могла служить оправданием длительности судебного разбирательства, особенно в связи с тем, что расследование завершилось за несколько месяцев, а разбирательство по делу впоследствии длилось более трех лет в судах двух инстанций. Обращаясь к своему собственному поведению в ходе уголовного разбирательства, заявитель подчеркнул, что в ходе производства по делу он содержался под стражей и, следовательно, находился под полным контролем государства. Он всегда участвовал в следственных мероприятиях и посещал судебные заседания. Что касается предполагаемого злоупотребления правом на защиту с его стороны, заявитель утверждал, что большую часть его просьб суд первой инстанции отклонил. Однако те просьбы, которые были приняты судом, такие как просьба о смене защитника, были

правомерными и обоснованными. Принимая эти просьбы, суд первой инстанции продемонстрировал, что право заявителя на справедливое судебное разбирательство могло бы быть нарушено, если бы суд отказался вынести определение в его пользу.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

140. Европейский Суд отмечает, что подлежащий рассмотрению период, начался 16 января 2002 года, то есть с началом уголовного расследования, и завершился 27 сентября 2005 года, когда было вынесено окончательное решение Верховного суда Республики Удмуртия. Таким образом, разбирательство по делу длилось около трех лет и восьми месяцев на двух уровнях юрисдикции.

141. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

142. Европейский Суд напоминает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела и со ссылкой на следующие критерии: сложность дела, поведение заявителя и поведение соответствующих органов власти (см., среди прочего, постановление Большой Палаты по делу «Пелисье и Сасси против Франции» (*Pelissier and Sassi v. France*), жалоба № 25444/94, § 67, ЕСПЧ 1999-II).

143. Европейский Суд признает, что разбирательство по данному делу было сложным. Однако Суд не может признать, что сложность дела сама по себе была таковой, что могла оправдать общую длительность процесса. Кроме того, Суд отмечает, что то обстоятельство, что заявитель содержался под стражей, требовало со стороны судов, занимавшихся рассмотрением дела, приложить особые усилия к быстрому отправлению правосудия (см. постановление по делу «Панченко против России» (*Panchenko v. Russia*) от 8 февраля 2005 года, жалоба № 45100/98, § 133, и постановление по делу «Калашников против России» (*Kalashnikov v. Russia*), жалоба № 47095/99, § 132, ЕСПЧ 2002-VI).

144. Что касается поведения заявителя, Суд не убежден доводом Властей Российской Федерации о том, что заявитель должен нести ответственность за подачу многочисленных ходатайств. Прежде всего, Суд напоминает о своем неизменном подходе, гласящем, что заявителю не может быть вменено в вину то, что он полностью использует все средства, предоставленные ему национальным законодательством, в защиту своих интересов (см. постановление по делу «Коломиец против России» (*Kolomiyets v. Russia*) от 22 февраля 2007 года, жалоба № 76835/01, § 29). Власти Российской Федерации не предоставили доказательств в подкрепление своих утверждений о ненадлежащем характере подачи ходатайств со стороны заявителя и о том, что они увеличили длительность судебного разбирательства. При этом Европейский Суд учитывает довод Властей о том, что существенная задержка в

разбирательстве по делу была вызвана четырьмя последовательными отводами, заявленными адвокатам заявителя. При каждом отводе суд первой инстанции был вынужден откладывать судебные заседания с тем, чтобы назначить заявителю нового защитника и дать ему возможность изучить материалы дела. Принимая во внимание то значительное место, которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство (см., *inter alia* (среди прочего), постановление по делу «Де Куббер против Бельгии» (*De Cubber v. Belgium*) от 26 октября 1984 года, § 30, Series A № 86), Суд считает, что государство должно нести ответственность за задержки, произошедшие по причине успешного отвода ответчиком назначенного государством защитника. Европейский Суд напоминает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции налагает на договаривающиеся государства обязанность организовать работу их судебной системы таким образом, чтобы национальные суды могли выполнить обязательства по разрешению дел в разумный срок (см. среди прочих источников, постановление по делу «Лёфлер против Австрии № 2» (*Loffler v. Austria* (No. 2)) от 4 марта 2004 года, жалоба № 72159/01, § 57). Таким образом, ответственность за совокупную задержку, составившую около шести месяцев и вызванную успешными отводами предоставленных государством адвокатов, ложится исключительно на государство (см., *mutatis mutandis* (внося необходимые изменения), постановление по делу «Марченко против России» (*Marchenko v. Russia*) от 5 октября 2006 года, жалоба № 29510/04, § 39, и постановление по делу «Сидоренко против России» (*Sidorenko v. Russia*) от 8 марта 2007 года, жалоба № 4459/03, § 32).

145. Обращаясь далее к поведению органов власти, Европейский Суд отмечает, что в ходе разбирательства по делу имели место и другие существенные задержки, по поводу которых Власти Российской Федерации не предоставили никаких удовлетворительных объяснений, и которые произошли по вине национальных властей. В частности, Европейский Суд отмечает, что, предварительное расследование, начавшееся в январе 2002 года, завершилось уже в июле 2002 года, когда дело было направлено в суд первой инстанции. Однако предварительное разбирательство дела судом первой инстанции привело к тому, что дело было направлено следственным органам для исправления процессуальных недостатков. Передача дела из суда первой инстанции следственным органам происходила еще три раза, что в результате привело к совокупной задержке в рассмотрении дела, составившей около восьми месяцев (см. выше пункты 12, 13, 16 и 17).

146. Европейский Суд также отмечает довод Властей Российской Федерации о том, что поведение подсудимых, свидетелей, потерпевших и их адвокатов послужило одной из причин продления срока судебного разбирательства. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что на суд, занимавшийся данным делом, была возложена обязанность дисциплинировать стороны, чтобы гарантировать проведение разбирательства дела в приемлемый срок (см. упоминавшееся выше постановление по делу Сидоренко (*Sidorenko*), § 34). Таким образом, Суд считает, что задержка, вызванная тем, что суд первой инстанции не дисциплинировал участников процесса, произошла по вине государства (см. постановление по делу «Кушмерек против Польши» (*Kusmierrek v. Poland*) от 21 сентября 2004 года, жалоба № 10675/02, § 65).

147. Наконец, для Суда не осталось незамеченным то, что большую часть совокупного периода, составившего три года и восемь месяцев, дело находилось в процессе рассмотрения в суде первой инстанции. Однако, как указывалось в доводах сторон,

единственным периодом, когда суд первой инстанции активно занимался делом, был период с 17августа 2004 года по 25 января 2005 года, когда заседания по делу назначались через равные промежутки времени, и не происходило никаких задержек.

148. В заключение,изучив все представленные материалы и учитывая важность дела для заявителя,Европейский Суд считает, что в данном деле длительность уголовного производства была чрезмерной и не отвечала требованию о «разумном сроке». Следовательно,имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

149. Заявитель далее жаловался на то, что у него не было эффективных средств правовой защиты, при помощи которых он мог бы выдвинуть жалобу на чрезмерную длительность уголовного производства. Эта жалоба подпадает под рассмотрение по статье 13 Конвенции,которая гласит следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами,действовавшими в официальном качестве».

A. Доводы сторон

150. Власти Российской Федерации утверждали, что жалоба заявителя является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

151. Заявитель настаивал на своей жалобе.

B. Оценка Суда

1. Приемлемость

152. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

153. Суд принимает во внимание существование нового средства правовой защиты, введенного Законом о компенсации в результате вынесения пилотного постановления, принятого по делу«Бурдов против России № 2» (Burdov v. Russia (по. 2) (жалоба № 33509/04, ЕСПЧ 2009-...)). Данное средство правовой защиты дает заинтересованным лицам возможность требовать компенсации вреда,причиненного в результате необоснованной длительности производства (см. выше пункты 70 и 71).

154. Суд отмечает, что в настоящем деле замечания сторон в отношении статьи 13 поступили до 4 мая 2010года, то есть до того дня, когда вступил в силу Закон о компенсации. Эти замечания не содержат ссылок на новое законодательное изменение.

Однако Суд признает, что с 4 мая 2010 года заявитель получил право использовать новое средство правовой защиты (см. выше пункт 71).

155. Суд отмечает, что в упоминавшемся выше пилотном постановлении им было указано, что было бы несправедливо требовать от заявителей, дела которых уже много лет находятся на рассмотрении во внутригосударственных судах, и которые обратились за помощью в Европейский Суд, снова предъявлять свои претензии во внутренние органы власти (см. упоминавшееся выше постановление по делу Бурдова (№ 2) (Burdov (по. 2), § 144). В соответствии с этим принципом Суд решил рассмотреть жалобу заявителя по поводу чрезмерной длительности уголовного производства по существу и установил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

156. Однако факт рассмотрения жалобы заявителя на длительность судопроизводства по существу никоим образом не должен истолковываться как предопределяющий выносимую Судом оценку качества нового средства правовой защиты. Европейский Суд рассмотрит этот вопрос в других делах, более подходящих для такого анализа. Суд не считает настоящее дело подходящим, особенно ввиду того факта, что замечания сторон были составлены в контексте ситуации, существовавшей до введения нового средства правовой защиты (схожие основания см. в постановлении по делу «Кравченко и другие (предоставление жилья военнослужащим) против России» (Kravchenko and Others (military housing) v. Russia) от 16 сентября 2010 года, жалобы № 11609/05, 12516/05, 17393/05, 20214/05, 25724/05, 32953/05, 1953/06, 10908/06, 16101/06, 26696/06, 40417/06, 44437/06, 44977/06, 46544/06, 50835/06, 22635/07, 36662/07, 36951/07, 38501/07, 54307/07, 22723/08, 36406/08 и 55990/08, §§ 40-45, и в постановлении по делу «Васильченко против России» (Vasilchenko v. Russia) от 23 сентября 2010 года, жалоба № 34784/02, §§ 54-59).

157. Принимая во внимание данные особые обстоятельства, Суд не считает необходимым продолжать рассматривать жалобу по статье 13 отдельно в настоящем деле.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

158. Заявитель жаловался по статье 34 Конвенции на то, что государственные должностные лица неоднократно оказывали на него давление в связи с его жалобой, поданной в Европейский Суд. В частности, он заявил, что должностные лица пытались принудить его урегулировать дело в обмен на обещание, что ему будет позволено остаться в следственном изоляторе в Республике Удмуртия. Далее он жаловался на то, что администрация следственного изолятора препятствовала ему в отправке писем своему представителю.

159. В части, применимой к настоящему делу, статья 34 Конвенции гласит следующее:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ...которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон его прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

А. Доводы сторон

160. Власти Российской Федерации подчеркнули, что в августе 2008 года были организованы две встречи, проведенные госпожой Рассединой с заявителем. Эти встречи были проведены в связи с запросом Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека с единственной целью попытаться урегулировать дело, находящееся на рассмотрении в Европейском Суде. Государственные должностные лица никогда не стремились принудить заявителя отозвать жалобу из Европейского Суда. Они лишь разъяснили правовые последствия урегулирования дела для заявителя и попытались определить его позицию по данному вопросу. Отказ заявителя принять мировое соглашение, предложенное государственными должностными лицами, не повлиял на ситуацию. Власти Российской Федерации доказывали, что его перевод в исправительную колонию, находящуюся в Новосибирской области, был осуществлен в соответствии с требованиями российского законодательства, в частности, в соответствии со статьей 73 Уголовно-исполнительного кодекса, поскольку до осуждения заявитель проживал в Новосибирске и имел там семью. Поэтому после вынесения окончательного приговора он был направлен в исправительную колонию, находящуюся в Новосибирской области для отбытия наказания там. Он содержался в Удмуртской Республике временно, так как был помещен в специализированный медицинский следственный изолятор. Власти Российской Федерации настаивали, что заявитель не утверждал, что ему угрожали, или что его запугивали. Власти обратили внимание Европейского Суда на тот факт, что после встреч с Рассединой прошло почти восемь месяцев, и только тогда заявитель обратился с жалобой на них в Европейский Суд. По мнению Властей, подавая жалобу по статье 34, заявитель пытался манипулировать государством, чтобы оно позволило ему и дальше оставаться в следственном изоляторе в Республике Удмуртия. Жалоба в Европейский Суд была направлена незадолго до того, как должен был быть осуществлен его перевод. Власти отметили, что заявитель никогда не использовал внутригосударственные средства защиты своих прав для того, чтобы потребовать, чтобы его не переводили, или признали перевод в Новосибирскую область недействительным.

161. Далее Власти утверждали, что Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека направил главе Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации письмо, запрещающее в дальнейшем любые прямые переговоры с заключенными, о чьих делах, находящихся на рассмотрении в Европейском Суде, Власти были извещены. Уполномоченный заявил, что любые переговоры по поводу мирового соглашения должны проводиться только при участии Суда или самого Уполномоченного.

162. Заявитель утверждал, что в соответствии с внутри государственными правовыми нормами он должен был отбывать наказание в Республике Удмуртия. Поэтому, зная об этом предписании, закрепленном в законодательстве, он отказался урегулировать дело, когда к нему обратились государственные должностные лица. Далее он подчеркнул, что то единственное, что связывало его с Новосибирской областью, исчезло со смертью его матери. Там у него была квартира, но все его родственники, которые еще остались в живых, проживали в Республике Удмуртия.

163. В своем письме, поступившем Европейский Суд в сентябре 2008 года, заявитель, опуская дальнейшие подробности, жаловался на то, что органы власти препятствовали его переписке с родственниками. Далее он утверждал, что во время двух встреч в августе 2007 года Рассадина угрожала ему переводом в исправительную колонию, находящуюся в Новосибирской области, если он откажется подписать мировое соглашение. Также она говорила, что заявителю могут запретить любые контакты с семьей, и что вся его входящая и исходящая корреспонденция с Европейским Судом и его представителем будет перехватываться. Заявитель утверждал, что после его отказа подписать мировое соглашение администрация следственного изолятора, находящегося в Республике Удмуртия, не позволяла ему встречаться с женой. При этом он доказывал, что все письма, которые он хотел направить в Европейский Суд или своему представителю, он был вынужден передавать своей жене, поскольку был уверен, что администрация учреждения не станет отсылать их. Далее он подчеркнул, что он не мог жаловаться на неправомерные действия администрации в национальные органы власти, поскольку его письма уничтожались администрацией учреждения, и у него не было связи с внешним миром, так как его жене было отказано в разрешении посещать его.

В. Оценка Суда

1. Вмешательство в переписку

164. Европейский Суд отмечает жалобу заявителя на то, что власти Российской Федерации препятствовали его переписке со своим представителем, а также препятствовали любым контактам с последним или членами семьи, и что это предположительно затрудняло информационное взаимодействие заявителя с Европейским Судом. Признавая наличие прямой связи между общением заявителя со своим представителем и эффективным использованием права заявителя на подачу жалобы (см. дело «Оджалан против Турции» {Ocalan v. Turkey} [GC], жалоба № 46221/99, § 200, ECHR 2005-IV), Европейский Суд отмечает в этом отношении, что заявитель не указал никаких деталей предполагаемого вмешательства властей в его переписку со своим представителем и не подкрепил свою главную жалобу на предполагаемое создание препятствий доказательствами задержек при передаче писем его представителю или вмешательства в его переписку. Он всего лишь упомянул, что передача двух его писем в Европейский Суд в июле 2008 года была отсрочена, по меньшей мере, на четыре дня. Отмечая, что заявитель не подавал в Европейский Суд официальной жалобы на предполагаемый инцидент, Суд напоминает, что периодические задержки в отправлении писем заявителя не обязательно говорят о нарушении статьи 34 Конвенции (см. Решение Комиссии по делу «Хусейн против Соединенного Королевства» {Hosein v. the United Kingdom} от 8 сентября 1993 года, жалоба № 18264/91), особенно в связи с очевидностью того, что до или после инцидента письма заявителя в Европейский Суд (или другие письма) были отправлены безо всяких препятствий, и что даже те задержки в отправлении писем заявителя в Европейский Суд, которые составляют несколько недель, не всегда считаются значительными или препятствующими осуществлению права заявителя на подачу жалобы (см. дело «Валашинас против Литвы» (Valasinas v. Lithuania), жалоба №44558/98, §§ 134-137, ECHR 2001 -VIII).

165. Однако Европейский Суд не может не учитывать тот факт, что два письма, предположительно врученные заявителем администрации следственного изолятора в июле 2008 года, которые впоследствии должны были быть отправлены в Европейский Суд, так в него и не поступили. В этом отношении Европейский Суд сомневается в достоверности утверждения заявителя о том, что он просил администрацию следственного изолятора отправить эти письма. Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что с момента назначения представителя в 2007 году и последующего уведомления заявителя Европейским Судом о том, что Суд будет вести переписку только с его представителем, заявитель обращался в Европейский Суд напрямую, минуя своего представителя. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что заявитель не объяснил, какие особые обстоятельства заставили его взаимодействовать с Европейским Судом напрямую в июле 2008 года. Также он не уточнил, почему, по его мнению, администрация следственного изолятора удержала два его письма. При этом, учитывая тот факт, что копии июльских писем заявителя были приложены к письму его представителя от 19 сентября 2008 года, и Европейский Суд имел возможность изучить их, последний не считает, что их содержание значимо для исхода настоящего дела.

166. Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, и принимая во внимание тот факт, что все предыдущие письма заявителя отправлялись без задержек. Европейский Суд не убежден в том, что имеются какие-либо доказательства того, что заявителю препятствовали в осуществлении его права на подачу индивидуальной жалобы в отношении его переписки с Европейским Судом или со своим представителем (см., *mutatis mutandis*, дело «Кук против Австрии» (*Cooke v. Austria*) от 8 февраля 2000 года, жалоба № 25878/94, §§ 46-49).

167. Кроме того, Европейский Суд придает особое значение тому факту, что доводы заявителя относительно предполагаемого препятствования его праву на подачу жалобы были особенно невразумительными и непоследовательными. Например, доказывая, что ему не разрешали видеться с женой или препятствовали общению с представителем, заявитель, в то же время, заявлял, что письма он вручал лично своей жене, когда администрация учреждения предположительно затягивала их отправку или вообще отказывалась отправлять их, и что ему был позволен, по крайней мере, один телефонный разговор с его представителем. Европейский Суд также учитывает тот факт, что многочисленные письма от представителя заявителя в Европейский Суд, в том числе те, что были получены в 2008 году, всегда сопровождалась объемными письменными доводами заявителя, написанными от руки. Таким образом, ничто не указывает на то, что заявителю препятствовали в осуществлении его права на подачу индивидуальной жалобы в какой-либо значительной степени, что касается этого аспекта его жалобы по статье 34.

2. Посещения государственных должностных лиц

168. Европейский Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 34 Конвенции, чрезвычайно важно, чтобы заявители или потенциальные заявители имели возможность свободно общаться с Европейским Судом, не подвергаясь давлению со стороны властей с целью заставить их (заявителей) отказаться от своих жалоб или изменить их существо (см. среди других примеров дело «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v.*

Turkey) от 16 октября 1996 года, § 105, Сборник (Reports) 1996-VI, и дело «Аксой против Турции» (Aksoy v. Turkey) от 18 декабря 1996 года, §105, Сборник (Reports) 1996-VI). В этом контексте «давление» включает в себя не только прямое принуждение и явное запугивание, но также и другие ненадлежащие косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить заявителя от использования любых средств правовой защиты или воспрепятствовать ему в этом (см. дело «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 года, § 159, Сборник (Reports)).

169. Кроме того, вопрос о том, являются ли контакты между властями и заявителем недопустимой практикой с позиции статьи 34 Конвенции, должен определяться в свете особых обстоятельств дела. В этом отношении следует принимать во внимание уязвимость заявителя и его или ее подверженность давлению со стороны властей (см. приведенное выше дело «Акдивар и другие против Турции» (Akdivar and Others v. Turkey), § 105, и дело Курта (Kurt), § 160). Положение заявителя может быть особо уязвимым, если он содержится под стражей при ограниченных контактах с семьей или окружающим миром (см. дело «Котлец против Румынии» (Cotlet v. Romania) от 3 июня 2003 года, жалоба № 38565/97, §71). Даже неофициальный «опрос» заявителя, не говоря уж об официальном допросе, касающемся страсбургского процесса, может считаться формой запугивания (сравните с делом «Сысоева и другие против Латвии» (Sisojeva and Others v. Latvia) жалоба № 60654/00, §§ 117 и последующие, ECHR 2007-И).

170. Европейский Суд отмечает, что по утверждениям заявителя в августе 2007 года с ним связалось государственное должностное лицо. Он утверждал, что это должностное лицо пыталось склонить его к урегулированию дела, находящегося на рассмотрении в Европейском суде, и предлагало ему возможность остаться в следственном изоляторе Республики Удмуртия в обмен на его решение отказаться от жалобы в Европейский Суд. Власти Российской Федерации признали, что помощник начальника УФСИН по соблюдению прав человека, а именно Рассадина, разговаривала с заявителем в присутствии начальника следственного изолятора и по просьбе Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде дважды в августе 2007 года, сперва попытавшись выяснить условия заявителя для урегулирования дела, находящегося на рассмотрении в Европейском Суде, а затем - подписать мировое соглашение, составленное в соответствии с требованиями заявителя.

171. Европейский Суд отмечает, что ни заявитель, ни его представитель не смогли предоставить никаких конкретных доказательств, подтверждающих наличие действий, направленных на запугивание или притеснение и рассчитанных на то, чтобы воспрепятствовать проведению разбирательства по делу заявителя, возбужденному им в Европейском Суде. По сути, за исключением утверждения, содержащегося в апрельском письме в Европейский Суд, о том, что органы власти прельщали его отменой перевода в колонию Новосибирской области и потому предложили ему продать квартиру в Новосибирске для того, чтобы сделать его продленное пребывание в Республике Удмуртия законным, заявитель не указал никаких конкретных примеров предполагаемого принуждения или запугивания со стороны властей Российской Федерации. Однако с другой стороны, Европейский Суд учитывает тот факт, что в письме, полученном им в сентябре 2008 года, заявитель изменил описание своих контактов с органами власти, утверждая, что Рассадина также угрожала ему запретом на общение с членами семьи, его представителем и Европейским Судом.

Однако, принимая во внимание выводы, сделанные выше в пунктах 164-167, и находя странным то, что заявитель не выдвинул свои обвинения в письме от 7 апреля 2008 года, Европейский Суд не считает их заслуживающими доверия. Вопреки изложенным сведениям, оценка, которую вынес Европейский Суд в отношении представленных доказательств, по изложенным ниже причинам подводит Суд к решению об отсутствии достаточных фактических оснований, позволяющих сделать вывод о том, что власти государства-ответчика запугивали или притесняли заявителя в обстоятельствах, рассчитанных на то, чтобы склонить его отказаться от своей жалобы или как-то иначе воспрепятствовать осуществлению его права на подачу индивидуальной жалобы (схожие основания см. в постановлении по делу «Айдин против Турции» (Aydin v. Turkey) от 25 сентября 1997 года, §§ 116-117, Сборник (Reports) 1997-VI).

172. В частности, оценивая сам факт контактов представителей государства с заявителем, Европейский Суд напоминает, что не каждый случай наведения властями справок о жалобе, находящейся на рассмотрении в Европейском Суде, может считаться «запугиванием». Европейский Суд подчеркивает, что статья 34 не запрещает государству принимать меры для исправления положения заявителя или решения проблемы, лежащей в основе Страсбургского процесса. Более того, действуя по тому принципу, что, как и любая судебная система, конвенционная система открыта для «внесудебных» и «внутрисудебных» мировых соглашений или договоренностей между сторонами на всех этапах производства по делу, Европейский Суд никогда не умалял важности работы по урегулированию спора и всегда поощрял и активно содействовал переговорам сторон по мирному урегулированию дела. Этот подход отражает традиционное мнение о том, что Конвенция представляет собой не инструмент обвинения или преследования Высоких Договаривающихся Сторон, документ, подразумевающий коллективное исполнение своих обязательств, надзор за которым доверен Европейскому Суду согласно статье 19 Конвенции.

173. Европейский Суд признает, что формы переговоров по мирному урегулированию могут различаться, по большей степени завися от отношений между сторонами. Переговоры могут быть трехсторонними, когда главная роль принадлежит Европейскому Суду, но стороны могут вести двусторонние переговоры, сообщаясь напрямую. Очевидно, что в тех случаях, когда соглашение было достигнуто при участии Европейского Суда, обычно не возникает вопроса о том, действовал ли заявитель по своей воле. Однако, отрицание права государства на прямое взаимодействие с заявителем с целью урегулировать дело, находящееся на рассмотрении в Европейском Суде, имело бы эффект существенного противодействия переговорам по урегулированию дела, препятствования свободному потоку идей и информации, предложений и требований в ходе переговоров по урегулированию, и самое главное, это возложило бы на Европейский Суд тяжкое бремя. Сторонам необходимо предоставить достаточное пространство для изучения обстоятельств дела с целью достижения возможного разрешения спора каким-либо иным путем, кроме постановления Европейского Суда. При этом Европейский Суд требует, чтобы меры, принимаемые государством в рамках переговоров с заявителем по урегулированию дела, не принимали форму давления, запугивания или принуждения.

174. Учитывая это предостережение, Европейский Суд возвращается к обстоятельствам настоящего дела. Суд отмечает довод Властей о том, что в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, в

частности, в соответствии со статьей 73, вопрос о переводе заявителя в исправительное учреждение в Новосибирской области, то есть в той области, где он проживал до своего осуждения, оставался на усмотрение государства (см. выше пункт 72). Заявитель начал отбывать наказание в Новосибирской области, и его перевод в медицинский следственный изолятор Республики Удмуртия был всего лишь временным. Европейский Суд не убежден доводом заявителя о том, что государственные должностные лица угрожали ему обратным переводом в Новосибирскую область с целью повлиять на его решение об урегулировании дела, находящегося на рассмотрении в Суде. В этом отношении Европейский Суд придает особое значение тому факту, что заявитель решил выдвинуть жалобу по статье 34 только спустя более семи месяцев после того, как состоялись переговоры между заявителем и государственными должностными лицами, и незадолго до того момента, когда должен был быть осуществлен его обратный перевод в Новосибирскую область. Ввиду того, что было установлено отсутствие каких-либо указаний на вмешательство со стороны государства в переписку заявителя или воспрепятствование его контактам с представителем или женой (см. выше пункты 164-167), Европейский Суд готов принять довод властей о том, что промедление заявителя при подаче жалобы по статье 34 является признаком того, что сама по себе жалоба была не более чем скрытой попыткой склонить органы власти к отмене его перевода в Новосибирскую область. Этот вывод подкрепляется тем, что Европейский Суд не может установить каких-либо признаков негативных последствий для заявителя в результате того, что государство не добилось мирного урегулирования. Кроме того, Европейский Суд учитывает тот факт, что заявитель никогда не пытался обратиться к компетентным органам власти с просьбой о назначении места его дальнейшего заключения в Республике Удмуртия. В данных обстоятельствах Европейский Суд не может сделать вывод о том, что действия органов власти можно охарактеризовать как «ненадлежащие». Отсюда следует, что власти не нарушили своих обязательств по статье 34 Конвенции в отношении контактов с заявителем, целью которых было достижение мирного урегулирования дела.

VII. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

175. Наконец, Европейский Суд рассмотрел другие жалобы, представленные заявителем. Однако, принимая во внимание все материалы, находящиеся в его распоряжении, и в той степени, в какой данные жалобы относятся к компетенции Европейского Суда, Суд устанавливает, что они не обнаруживают никаких признаков нарушения прав и свобод, установленных в Конвенции или в Протоколах к ней. Отсюда следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

176. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

177. Заявитель требовал 65 000 евро в качестве возмещения морального вреда. Не указав точную сумму и не представив каких-либо документов, подкрепляющих его требование, заявитель также потребовал компенсации материального ущерба.

178. Власти Российской Федерации утверждали, что требование заявителя о возмещении материального ущерба не может быть удовлетворено, поскольку он не указал сумму возмещения и не представил доказательств в подкрепление своего утверждения о том, что такой материальный ущерб был нанесен фактически. Далее Власти подчеркнули, что требование о компенсации морального вреда является чрезмерным и необоснованным.

179. Что касается требования заявителя о компенсации материального ущерба, Европейский Суд не находит причин присуждать какую-либо сумму при таких обстоятельствах, в отсутствие указанной суммы издержек, которые предположительно понес заявитель, или каких-либо доказательств фактического нанесения материального ущерба.

180. Что касается требования о возмещении морального вреда, Европейский Суд, прежде всего, напоминает, что от заявителя нельзя требовать предоставления доказательств причинения ему морального вреда (см. постановление по делу «Гридин против России» (Gridin v. Russia) от 1 июня 2006 года, жалоба № 4171/04, § 20). Далее Суд отмечает, что заявитель пострадал от унижения и расстройств в связи с бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство условиями его содержания под стражей и чрезмерной длительностью уголовного производства. В данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что страдания и переживания заявителя не могут быть компенсированы одним фактом установления нарушения. Однако заявленная сумма представляется чрезмерной. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю в качестве компенсации морального вреда 15 000 евро плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

181. Заявитель также требовал 35 000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных при рассмотрении его дела внутригосударственными судами и Европейским Судом.

182. Власти доказывали, что заявитель не представил никаких документов, на основании которых его требование могло быть подкреплено доказательствами, и это делает его требование неприемлемым.

183. В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек лишь в той мере, насколько было доказано, что они были понесены действительно и по необходимости и были разумными по размеру. Европейский Суд отмечает, что в 2007 года заявитель уполномочил юристов из Центра содействия международной защите в городе Москве представлять его интересы при разбирательстве в Суде. Из объема и подробностей письменных объяснений, представленных заявителем, очевидно, что в его интересах была

проведена значительная работа. Учитывая то, что Европейский Суд предоставил заявителю юридическую помощь на сумму 850 евро, и что некоторые его жалобы были объявлены неприемлемыми, Суд, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных на представительство в Европейском Суде, присуждает заявителю 3 000 евро вместе с любыми налогами, которые могут быть взысканы с этой суммы.

С. Процентная ставка за просрочку платежа

184. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* приемлемой жалобу, касающуюся условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе №ИЗ-18/1 в период с 30 января 2002 года по 16 июля 2004 года, жестокого обращения сотрудников конвойной службы милиции с заявителем 10 июля 2003 года, неэффективности расследования по жалобам о жестоком обращении, чрезмерной длительности уголовного производства по обвинениям в грабеже, а также отсутствия эффективного средства правовой защиты, используя которое он мог бы обратиться с жалобой на чрезмерную длительность производства, и неприемлемой в оставшейся части;

2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в учреждении ИЗ-18/1 в период с 30 января 2002 года по 16 июля 2004 года;

3. *Постановил*, что отсутствует нарушение статьи 3 Конвенции в связи с обращением, которому подвергли заявителя сотрудники конвойной службы милиции 10 июля 2003 года;

4. *Постановил*, что отсутствует нарушение статьи 3 Конвенции в связи с расследованием жалоб заявителя на жестокое обращение;

5. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерной длительностью уголовного производства;

6. *Постановил*, что нет необходимости в отдельном рассмотрении жалобы по статье 13 Конвенции;

7. *Постановил*, что государство-ответчик выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции в отношении предполагаемого воспрепятствования переписке заявителя и контактам с его представителем или Европейским Судом;

8. *Постановил*, что отсутствует нарушение статьи 34 Конвенции в связи с контактами между заявителем и государственными органами власти;

9. *Постановил*,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, конвертированные в российские рубли по курсу на день выплаты:

(i) 15 000 (пятнадцать тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 3 000 (три тысячи) евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в Суде;

(ш) любой налог, который может быть начислен на вышеуказанные суммы и взыскан с заявителя; (б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев на присужденные суммы подлежат начислению простые проценты в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента;

10. *Отклоняет* остальные требования заявителя о справедливом удовлетворении.

Составлено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 27 января 2011 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен Секретарь Секции
Христос Розакис Председатель